

ПО СЪВЕРНОМУ СКЛОНУ ЗАПАДНАГО КАВКАЗА.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ).

I.

Командировка.—Дорожные сборы.—Майночь.—Онуерій Ильичъ П—ий.—Охота на вальдшнеповъ.—Докторъ Г—ий.—Абдзахская станция и леченіе отъ водянки.—Путь въ Хомышки и новая задержка.—Н-въ.—Знакомство съ Ф.—Попытка пробраться къ урочищу Ташль-Китъ.—Возвращеніе.

Въ половинѣ марта 1866 года, послѣ продолжительной слякоти сверху (*), проглянуло солнце и въ Екатеринодарѣ. Заблестѣли улицы, жидкая поверхность которыхъ, взволнованная арбами и проѣзжими всадниками, отливала не то серебромъ, не то чернилами. Въ воздухѣ запахло вешнею теплотою, съ легкимъ ароматцемъ гнили и болота. День былъ воскресный; я собирался за Кубань доохотиться и серьезно занять былъ размышленіями о способахъ преодоленія препятствій, представляемыхъ почвою и климатомъ, т. е. грязью г. Екатеринодара, какъ вошедшій деньщикъ подадъ мнѣ большой пакетъ съ казенной печатью.

Въ пакетѣ оказалось предписаніе начальника области: отправиться въ возможно-непродолжительномъ времени въ горы, для избранія мѣстъ подъ поселенія двухъ линейныхъ баталіоновъ поротно, подобно тому, какъ это сдѣлано было мною осенью и зимою 1865 года (**); но на этотъ разъ мнѣ предстояла командировка не по южную, а по сѣверную сторону горъ.

— Вотъ-те бабушка и Юрьевъ день! неволью вырвалось у меня по прочтеніи бумаги, въ которой, между прочимъ, значилось, что, за

(*) Слякоть внизу въ г. Екатеринодарѣ вещь такая же постоянная, какъ и самый городъ.

(**) См. „Военный Сборникъ“ 1869 года № № 9, 10, 11.

надлежащими подробными инструкціями и словесными указаніями, я имѣю явиться завтра, т. е. въ понедѣльникъ, къ подлежащему начальству.

Присовокупленіе: «на другой день явиться за полученіемъ надлежащихъ и проч.», надпись: «весьма спѣшное», слова: «въ самомъ непродолжительномъ времени» и т. д., все это, очевидно, указывало на немедленный отъѣздъ, а число ротъ, для которыхъ предстояло отыскать мѣста, давало понять, что эта командировка выйдетъ, если не столь неудобная по своей обстановкѣ, какъ первая, то все-таки нелишняя нѣкоторыхъ хлопотъ и несравненно болѣе продолжительная.

Поручивъ деньщику заботу о немедленномъ приведеніи въ порядокъ всѣхъ дорожныхъ принадлежностей, самъ я отправился за дополнительными справками къ служившему въ областномъ штабѣ подполковнику Н*.

Новость, почерпнутая изъ наведеннаго пакета, не была, собственно говоря, для меня совершеннымъ сюрпризомъ: я зналъ, что мнѣ придется въ томъ году сдѣлать прогулку по сѣверному склону западнаго Кавказа, но не ожидалъ, чтобы предписаніе состоялось такъ скоро, и чтобы пришлось выѣхать въ безлюдныя горы наканунѣ или въ самый правдикъ Пасхи.

Н* сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, облеченный въ сѣрый пиджакъ, съ безчисленными карманами, и бойко строчилъ что-то.

— А, здравствуйте батюшка!... пробормоталъ онъ, увидя меня и протягивая лѣвую руку. Садитесь—ка, пока вотъ окончу бумажку.... Все по вашему же дѣлу....

— Это по командировкѣ?

— Ну да, а конвертъ—то получили?

— Получилъ.

— Одобряете?

— Нѣтъ.

— Почему?

— Потому что теперь въ горахъ снѣгъ еще лежитъ, а подъ снѣгомъ разсматривать почву и растенія неудобно.

— Эксперты будутъ. Ну, вотъ и окончилъ, добавилъ онъ, вставая и засыпая несконъ написанную бумагу.—Хотите полюбопытствовать? и онъ передалъ мнѣ только-что оконченный отзывъ, въ которомъ, между прочимъ, стояло: .... «дабы не встрѣтилось затрудненій, въ родѣ испытанныхъ капитаномъ Орѣховымъ, во время командировки его осенью прошлаго года на южный склонъ, по причинѣ неимѣнія при

номъ проводниковъ, хорошо знаемыхъ съ мѣстностью... имѣете распорядиться высылкой двухъ благонадежнѣйшихъ проводниковъ къ туземцевъ, знаемыхъ съ горнымъ пространствомъ въ верховьяхъ рѣкъ: Кефара, Бешгона, Урупа, Зеленчука, Бѣлой, Лабы, Шехи и Пшица, и т. д. Проводники должны прибыть къ 20-му марта въ Майкопъ, гдѣ и явиться къ капитану Орѣхову».

— Неужели же къ 20-му нужно быть въ Майкопъ? спросилъ я. Если такъ, то надобно завтра или послѣ завтра выѣзжать.

Н. подалъ мнѣ еще бумагу, на поляхъ которой, косымъ, убористымъ и очень мнѣ знакомымъ почеркомъ начальника области, стояло: «Экстренно командировать капитана Орѣхова, чтобы въ ранней весны можно было начать расселеніе».

Въ виду столь ясно выраженнаго приказанія, оставалось только поторопиться приготовленіями къ предстоявшему путешествію, и я, пожавъ руку Н., вернулся домой, предаваясь философскимъ размышленіямъ на тему: «могло быть и хуже».

Сборы для военного человѣка вообще несложны, а для кавказца и подавно. Небольшой запасъ платья и вещей, укладываемойся въ переметныхъ сумкахъ, бурка, конь, да исправное оружіе—и дорожныя заботы кончены. Къ счастью, все это уже у меня было заведено, и на приведеніе въ порядокъ требовалось лишь нѣсколько часовъ. Оставалось затѣмъ наладить вьюкъ и купить вьючную лошадь для тяжелаго багажа; къ вечеру, впрочемъ, мнѣ удалось управиться и съ этою частью походнаго снаряженія.

На другой день, поутру, въ узаконенный часъ, я стоялъ, въ числѣ прочихъ, въ приемной начальника области. Черезъ полчаса генералъ вышелъ и, переговоривъ съ просителями, пригласилъ меня въ кабинетъ.

— Какъ вы скоро можете отправиться? спросилъ онъ, когда мы остались одни.

— Когда вашему превосходительству угодно будетъ приказать. Я опасюсь только, что плохое состояніе дорогъ и разливъ рѣкъ задержитъ насъ еще на плоскости, или при вступленіи въ горы; негода стоитъ тендая...

— Я желаю бы, чтобы вы начали обозрѣніе не позже 25-го.

— 25-е число приходится за два дня до Пасхи; не удобнѣе ли будетъ обогрѣть недѣлю?...

— Получали вы предписаніе?

— Получилъ, ваше превосходительство.

— Съ вами отправятся оба командира батальоновъ. ~~Еще~~

покажете избранныя вами мѣста, какъ сказано въ предписаніи. Выбирайте мѣста, удобныя въ санитарномъ отношеніи.

— Я, ваше превосходительство, не спеціалистъ по этой части, и боюсь ошибиться; поэтому прешлъ бы приказать кому нибудь изъ врачей сопутствовать мнѣ; тогда будетъ больше шансовъ на выполненіе этого условія.

— Въ концѣ командировки вашей, т. е. когда вы выберете мѣсто для послѣдней роты, вы отправитесь къ полковнику С—ну и вмѣстѣ съ нимъ, а можете быть и отдѣльно, пройдете въ верховья рѣкъ Бефара, Бежгона, въ долины Пхсу, Иркызь и Заагдагъ, и поищете мѣсть, удобныхъ для горнаго коневодства: Его Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій желаетъ приобрести въ нашешъ краѣ участокъ земли, удовлетворяющій условіямъ горнаго коневодства. Я надѣюсь на ваше усердіе. Полковникъ С—нъ, какъ хорошо знающій край и условія усилшнаго коневодства, дастъ вамъ необходимыя указанія. Цѣль поселенія ротъ та же, что и на южномъ слонѣ. Отправляйтесь скорѣе, чтобъ разлитіе рѣкъ васъ не задержало.

Затѣмъ, легкимъ наклоненіемъ головы, генералъ окончилъ объясненіе.

Отъ начальниа области я зашелъ къ начальнику штаба, чтобы узнать навѣрное: дадутъ ли мнѣ въ спутники медика, или нѣтъ. Мнѣ не хотѣлось брать на свою отвѣтственность ошибки въ оцѣнкѣ санитарныхъ свойствъ мѣсть подъ поселенія, случавшіяся въ прежніе годы и имѣвшія результатомъ громадную смертность въ горной полосѣ западной части Кубанской Области; вромъ того необходимо было похлопотать о проводникахъ, о путевомъ довольствіи и о прочихъ мелочахъ.

Начальникъ штаба совершенно согласился со мною въ необходимости имѣть съ собою медика и проводниковъ, обѣщалъ все это устроить къ пріѣзду моему въ Майкопъ, снабдилъ меня картою и цѣлою тетрадюю инструкцій; пожалѣлъ, что я принужденъ Пасху провести не дома, и въ заключеніе все-таки посовѣтовалъ ѣхать поскорѣе.

Всѣмъ извѣстно, въ какой степени дружескіе совѣты начальства обязательны для подчиненныхъ, и потому я, получивъ ихъ два въ одинъ день, посмѣшилъ отправить въ тотъ же вечеръ своихъ лошадей въ Майкопъ, съ двумя приданными мнѣ для посылокъ расторопными казаками, а на слѣдующій день выѣхалъ туда и самъ.

До Майкопа я проѣхалъ безъ всякихъ приключеній: сначала на почтовыхъ, а потомъ на станичныхъ лошадяхъ, всего въ сутки,

что, несмотря на близость этого пункта от Внатернодара (около 120 верстъ), надобно было считать большимъ благополучіемъ, принимая въ расчетъ весеннія дороги и затрудненія, неизбежныя при ѣздѣ на обывательскихъ, т. е. на казачьихъ лошадахъ.

Майкопъ, одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ пунктовъ сѣвернаго Кавказа, которымъ въ войну пришлось временно пріобрѣтать серьезное военное значеніе, благодаря чему они обращались сначала въ стоянки баталіоновъ или полковъ, потомъ въ узлы операціонныхъ линій или во временной базисъ отрядовъ. Около нихъ заводились кое-какія строенія и маршантская торговля; мало по малу являлось туда населеніе, составлявшееся преимущественно изъ семействъ военно-служащихъ и отставныхъ. Такими пунктами для всего Кавказа были: Ставрополь, Георгіевскъ, Владикавказъ; для праваго же фланга—Майкопъ, Псебай, Хамышки, Хадыжи и проч. Въ послѣднюю эпоху кавказской войны, т. е., когда способъ отдѣльныхъ экспедицій, съ цѣлью покоренія или усмиренія непокорныхъ горцевъ, уступилъ мѣсто постепенному, но систематическому заселенію горской территоріи линіями казачьихъ станицъ, занятіе Майкопа (*) было однимъ изъ существеннѣйшихъ успѣховъ русскаго оружія на правомъ флангѣ, такъ какъ съ пріобрѣтеніемъ его являлась возможность отырыть наступательныя движенія въ труднодоступныя ущелья верховьевъ рѣки Бѣлой и ея лѣвыхъ притоковъ, и отныне малась у горцевъ обширная и плодородная майкопская равнина, служившая житницею для махошевцевъ и егеруковцевъ—самыхъ воинственныхъ и упорныхъ изъ племенъ западнаго Кавказа.

Съ окончаніемъ войны, Майкопъ началъ исподоволь приходить въ упадокъ. Изъ торговаго мѣстечка онъ обратился въ штабъ-квартиру какаго-то полка и линейнаго баталіона, но прежняя населенность еще сохраняла свои слѣды: было нѣсколько улицъ, бульваръ, что-то въ родѣ крытаго гостинаго ряда; бакалейныя лавки, и особенно погреба, были далеко не пусты; много было небольшихъ, но чистенькихъ деревянныхъ домовъ, были даже двѣ гостиницы. Я остановился въ одной изъ нихъ, очень скромной по удобствамъ, но нескромной по цѣнѣ, и, одѣвшись сообразно случаю, пошелъ стыкивать начальнииа мѣстныхъ войскъ области, генерала 0—го, и командира N** баталіона. Отъ перваго и могъ получить нѣкоторыя данныя, необходимыя для моей командировки, и, главное, медика;

(*) Урочище это занято въ 1857 году, въ маѣ мѣсяцѣ, отрядомъ генерал-майора Дебу.

второму же должесть быть предъавить предписаніе отправиться со мной въ походъ.

Часа въ четыре пополудни, я явился въ генералу и засталъ его въ кабинетѣ, за бумагами.

— Я догадался кто вы и зачѣмъ прибыли, встрѣтилъ онъ меня. — Сегодня утромъ получена бумага о вашей командировкѣ; только не знаю зачѣмъ меня не предупредили раньше: я бы увѣдомилъ, что теперь пробраться въ горы, особенно въ верховья рѣки Бѣлой, нѣтъ никакой возможности даже и пѣшкомъ; зимою были большіе снѣга; теперь они разрыхлились и прохода нѣтъ. Вамъ придется обождать съ недѣлю или здѣсь, или въ Хамышпахъ.

Новость эта заставила меня поморщиться. Жертвовать своими удовольствіями и комфортомъ для службы—дѣло понятное и ни для кого не новое; но сидѣть цѣлую недѣлю, а можетъ быть и болѣе, въ захолустѣ, не имѣя ни души знакомыхъ, конечно, непріятно. Генералъ замѣтилъ, повидимому, впечатлѣніе, произведенное имъ меня его словами.

— Что? попались въ блокаду? промовлялъ онъ, улыбувшись:— да еще какъ разъ у праздника.

— Не привыкать—стать, ваше превосходительство, отвѣтилъ я:— хотя, конечно, лучше было бы обождать. Впрочемъ хорошо, по крайней мѣрѣ, что у меня будетъ довольно времени сообразить предварительный планъ рекогносцировки и размѣщенія ротъ, вызвать проводниковъ и обезпечиться всѣмъ необходимымъ, для избѣжанія неудовольствій, испытанныхъ мною на южномъ склонѣ. Кстати, я хотѣлъ просить распоряженія вашего о докторѣ...

— Какъ же—съ, будетъ вамъ и докторъ, я уже отправилъ предписаніе къ Г...му, и онъ къ вамъ скоро явится. Были вы у полковника П—го?...

— Нѣтъ еще. Я только что пріѣхалъ.

— Ну, такъ сходите къ нему, да если вамъ нечего будетъ вечеромъ дѣлать, приходите съ нимъ во мнѣ: потолкуемъ о вашемъ путешествіи.

Откланявшись С—му, я отправился отыскивать П—го. П—ій жилъ совсѣмъ въ другомъ концѣ Майкопа, и хоть веселомъ этотъ невеликъ, тѣмъ не менѣе мнѣ пришлось порядочно потоптаться, пока я не встрѣтилъ солдата М* баталіона, указавшаго мнѣ квартиру своего командира.

Онуфрій Ильичъ П—ій жилъ въ небольшомъ новенькомъ домикѣ, на самомъ берегу рѣки Бѣлой. Онъ вышелъ ко мнѣ съ лицомъ

слегка выразившимъ неудовольствіе. Это былъ человекъ лѣтъ сорока пяти, высокаго роста, съ загорѣлымъ, умнымъ лицомъ и сѣдиною въ волосахъ.

— Это вы по моему душу пріѣхали, капитанъ, сказалъ онъ, кивая улыбаясь, когда, отрекомендовавшись другъ другу, мы усѣлись въ его гостиной.

— Почти что такъ, полковникъ, отвѣтилъ я. — Впрочемъ, приношу вамъ новость хорошую для васъ и неприятную для меня: раньше есиной недѣли выступить не придется, по крайней мѣрѣ дальше Хамышковъ; генералъ С—ій сообщилъ мнѣ, что за этимъ пунктомъ еще снѣгъ на горахъ не стаялъ, и движеніе вверхъ по Бѣлой невозможно.

— Ну, слава Богу! Во всякомъ случаѣ, праздникъ дома проведу, сказалъ онъ, повеселясь. — Знаете что? Вы, конечно, остановились въ гостиницѣ, но вамъ будетъ удобнѣе у меня: перебирайтесь же безъ всякой церемоніи. У васъ будетъ отдѣльная комната, а меня вы ничуть не стѣсните.

Я поблагодарилъ гостепріимнаго П—го, но перелазить отказался, такъ какъ не зналъ еще, придется ли остаться въ Майкопѣ, или прямо ѣхать въ Хамышки. Это зависѣло отъ исхода предстоявшихъ вечеромъ совѣщаній съ генераломъ С—имъ, т. е. отъ порядка или плана предстоявшаго похода.

Передавъ Онуфрію Ильичу, вмѣстѣ съ привезеннымъ предпріятіемъ, приглашеніе С—го на вечернее совѣщаніе, я явился затѣмъ еще къ кое-какимъ майкопскимъ властямъ, и возвратился въ гостиницу, чтобы написать и отправить въ Екатеринодаръ донесеніе о причинахъ, помѣшавшихъ мнѣ въ точности исполнить приказаніе начальника области, т. е. начать обзоръ съ 25-го числа.

Оканчивая свою работу, я услышалъ легкой стукъ въ двери и слова: «можно войти?»

— Прощу.

Вошедшій оказался не кто другой, какъ Егоръ Петровичъ Г—ій, сѣденькій, небольшой человекъ, съ очень добрымъ лицомъ и маленькими мигающими глазками.

— А я къ вамъ: Егоръ Петровичъ Г—ій — отрекомендовался онъ, усаживаясь на скамейку, покрытую чѣмъ-то въ родѣ попоны и замѣнявшей въ моей комнатѣ диванъ; тово... знаете... С—ій назначилъ. Говорить: гигиеническія условія... тово... необходимо изслѣдовать... въ климатическомъ отношеніи...

— Очень радъ. Теперь я буду покоенъ: не придется, по крайней
Т. LXXV. Отд. I. 10

мѣрѣ, соображаться съ медицинскою географіею Торонова и брать на свой страхъ дѣло мнѣ совсѣмъ незнакомое, отвѣчалъ я.

— Правда.... точно.... Но только дакъ же.... тово?... праздники черезъ три дня, а вы идете.... въ горы.... тово.... заговорилъ онъ снова, какъ-то рассыпчато, то протягивая на распѣвъ, то борется снороговоркой.— Не лучше-ли обождать праздники?

— На этотъ разъ будетъ, кажется, по вашему желанію, т. е. Пасху мы проведемъ не въ походѣ, а или здѣсь, или въ Хамышахъ.— И я передалъ ему слышанное отъ генерала о дорогахъ въ горахъ и о невозможности немедленнаго выступленія.

Докторъ подѣвъ въ боковой карманъ сюртука, вынулъ оттуда тетрадку въ формѣ осьмушки и карандашъ, вооружился очками и началъ что-то писать.

— Такъ вы сказали... выпалъ глубокой снѣгъ, пренатсвующій.... тово.... движенію въ верховья рѣкъ?... спросилъ онъ, взглянувъ на меня черезъ очки.

— Да, большіе снѣга, завалившіе зимою все тропы, ведущія въ горы, а теперь разрыхленные теплою погодою, мѣшаютъ начать немедленно реконгноспировку, отвѣчалъ я, немного озадаченный стенографическими приемами почтеннѣйшаго Егора Петровича.

— Благодарю... я такъ и запишу, протянулъ онъ на распѣвъ.

— Для чего вы это записываете? спросилъ я въ свою очередь.

— Я всегда.... тово.... все.... замѣчательное записываю. Пригодится.... благодарю, бормоталъ онъ, продолжая свое занятіе.

— Да что-же тутъ замѣчательнаго?

— Все замѣчательно.... тово.... если его замѣчаешь; я.... тово.... здѣсь тридцать два года на Кавказѣ, и у меня все по числамъ записано.... все.... тово.... что видѣлъ и слышалъ. Позвольте.... виновать, забылъ.... ваше отчество и фамилію....

— Иванъ Ивановичъ Орѣховъ.

— Ахъ!... очень.... тово.... благодарю.... я такъ и запишу.

— Такъ и запишите.

Минутъ черезъ пять докторъ ушелъ, записавъ все достопримѣчательности моей особы.

Едва только я занялся раскладкою и приведеніемъ въ порядокъ своихъ вещей, какъ на порогѣ комнаты показались еще двѣ фигуры, въ черкесахъ и при орудіи.

Молча вошли они и не снимая папахъ; одинъ изъ гостей подалъ конвертъ.

Это оказались проводники-горцы. Старшій изъ нихъ юнкеръ

Мегметъ—Али Виданюковъ, украшенный георгиевскими крестомъ, серебряными темлякомъ и добрыми рубцомъ на лицѣ, хорошо зналъ русскій языкъ; младшій-же, Омаръ Хагодиевъ, не понимавшій по-русски ни слова, зналъ, какъ увѣрять первый, отчасти всё предгорья сѣвернаго склона западнаго Кавказа, вплоть до верховьевъ Кубани. Оба они только что прибыли изъ Лабинскаго округа, откуда командировались въ мое распоряженіе.

Распросивъ ихъ о состояніи дорогъ въ горахъ, я вполне убѣдился, что дальше Хамышкова преграда было невозможно, да они и не брались безошибочно угадывать путь, пока хоть ближайшія предгорья и долины не очистятся отъ сѣбра.

Было уже часовъ восемь вечера, когда я, распорядившись ихъ помѣщеніемъ въ сосѣднемъ со мною номерѣ и захвативъ всё взятыя мною изъ Екатеринодара планы, карты и инструкціи, отправился къ генералу С—му.

Я засталъ у него Онуфрія Ильича и еще нѣсколькихъ офицеровъ, Впрочемъ скоро удалившихся одинъ за другимъ.

— Ну, вотъ и вы пожаловали—встрѣтилъ онъ меня, привѣтливо пожимая руку. Садитесь, да займитесь сначала чаемъ, а послѣ и къ дѣлу.

— Не лучше-ли, ваше превосходительство, дѣло съ бездѣліемъ жѣшать или, точнѣе, пріятное съ полезнымъ?

— И то можно. Только здѣсь негдѣ будетъ разложить карты и планы, которыхъ у васъ такое множество, тамъ перейдемъ въ залъ.

Мы перешли въ сосѣднюю комнату и усѣлись вокругъ обѣденнаго стола, на которомъ я разложилъ карту области.

— Ну-съ, проповѣдуйте! сказалъ С—ій, лукаво подмигнувъ П—му, а мы васъ слушаемъ.

— Я прибылъ за указаніями вашего превосходительства, а не для проповѣди, отвѣчалъ я, и, какъ мало знакомый съ краемъ, прибѣгаю къ картѣ, чтобы яснѣе ихъ понимать и усвоивать.

С—ій разсмѣялся. Я тогда еще былъ новобранецъ въ томъ вѣдомствѣ, гдѣ и понынѣ служу, и потому причины странности отношеній нашей братьи къ старшимъ другихъ военныхъ специальностей, и вообще къ артилерійскимъ офицерамъ, были мнѣ не совсѣмъ понятны; позже многое мнѣ уяснилось, и я пересталъ удивляться той сосредоточенности, утонченной вѣжливости, а иногда и насмѣшливо-любезному тону, съ какимъ обыкновенно встрѣчали меня въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимость вѣрить дѣло, болѣе или менѣе выхо-

дшее изъ ряда обыкновенныхъ порученій, заставляло мое ближайшее начальство не особенно стѣсняться табелью о рангахъ.

Мнѣ не понравился такой приступъ къ сообщаніямъ, и я намѣренъ былъ придерживаться помалчиванія, ограничиваясь въ разговорахъ: крайне-необходимымъ.

С—ій угадалъ, должно быть, мои мысли.

— Полно-тѣ, это шутка, которая, вижу, вамъ не понравилась, проговорилъ онъ. — Я старый солдатъ, неинужно одичалъ на Кавказѣ, и можетъ быть не совѣмъ ловокъ по разговорной части; но вы старика извините... и онъ вѣжливо пожалъ мнѣ руку.

Подали чай. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Я чувствовалъ себя не совѣмъ ловко.

— Вы хорошо помните предписаніе ваше? спросилъ меня С—ій.

— Оно со мною, отвѣтилъ я, вынимая бумагу изъ портфеля и подавая ему.

— Тамъ сказано, чтобы оба командира баталіоновъ вамъ сопутствовали, въ тѣхъ видахъ, чтобы, познакомившись съ мѣстами, которыми вы выберете, они могли немедленно приступить къ распоряженіямъ по водворенію на нихъ ротъ. Но вѣдь вы, конечно, выберете сначала мѣста для ротъ одного баталіона, а потомъ для другаго, и я не вижу для васъ никакой необходимости брать обонхъ командировъ: оставьте мнѣ хоть одного.

Съ справедливостью доводовъ С—го нельзя было не согласиться.

— Лучше всего вамъ, по моему мнѣнію, продолжалъ С—ій, не реждавъ праздники въ Майкопѣ, отправиться въ Камышки къ Ф*, и начать осмотръ мѣстности съ района, который вы признаете достаточнымъ для удобнаго расселенія поротно N* баталіона, а потомъ приступите къ обзору мѣстности для N**.... Къ тому же у Ф* (*) и лошадей казенно-подъемныхъ больше, слѣдовательно и выступить ему легче.... Я уже послалъ ему предписаніе въ этомъ смыслѣ, вы повезете другое.... Чѣмъ вы полагаете опредѣлять, хотя бы примѣрно, районы каждаго изъ баталіоновъ: какимъ рубежемъ?

— Рѣкою Бѣлою, съ тѣмъ, чтобы роты N* баталіона разѣлились къ западу отъ верховья этой рѣки, а роты N** къ востоку; впрочемъ, точное опредѣленіе районовъ едва-ли возможно прежде обзора, да оно, къ тому же, находится въ зависимости отъ числа урочищъ, которыя окажутся удобными для военныхъ поселковъ.

— Вѣрно! Такъ на томъ и остановимся, а теперь отъ дѣла къ

(*) Командиръ N* баталіона.

Бездѣлю: сложите ваши карты и карты, и пойдите въ гостиную, а васъ познакомяю съ женщи.

Мы перешли въ гостиную. Семейство С—го состояло въ наличности изъ молодой видной дамы—его жены, и еще болѣе видной—дочери. Вечеръ прошелъ весело за болтовней и разсказами С—го съ его обильной воспоминаніями покладной жизни.

На другое утро, едва я успѣлъ встать, какъ въ мою дверь постучались. Я переспросилъ войти. Это оказался Онуфрій Ильичъ, въ визитной формѣ, сопровождаемый нѣсколькими солдатами.

— Я къ вамъ и за вами, сказалъ онъ, усаживаясь на предложенный мною стулъ. Тамъ, какъ себѣ хотите, сердитесь, не сердитесь, а я васъ беру къ себѣ. Вѣдь все равно: вамъ праздники въ Маймоцѣ доводится быть, а у меня все—таки веселѣе, чѣмъ въ гостиницѣ. Вотъ и людей привелъ, чтобы позитивъ ваши забрать.... Лукьяновъ! обратился онъ къ одному изъ нихъ, распорядись—на перетащить все это ко мнѣ въ кабинетъ. Бери чемоданы.... что же вы стали—то?

Протестовать на такую любезность не приходилось, какою было ей подчиниться. Я только успѣлъ выговорить себѣ право на собственноручную переноску бумагъ и книгъ.

— Э, да вы, я вижу, охотникъ! снова обратился ко мнѣ П—ій, указывая пальцемъ на двухствольное ружье, уже прихваченное однимъ изъ солдатъ. Стой, братъ, давай сюда, а то неравно уронишь.... Ну, и отлично, бормоталъ онъ, рассматривая его.—Славное ружье, а теперь и вальдшнепы прилетѣли; значить, и пострѣлять можно передъ походомъ, а? Я, вѣдь, тоже охотникъ.

Скоро я самъ и все мое походное имущество были уже у Онуфрія Ильича. Мы весело бесѣдовали о предстоящемъ походѣ, къ которому онъ относился вовсе невраждебно съ тѣхъ поръ, какъ увѣрился, что его не потревожатъ на праздники, и перазъ заводилъ рѣчь о изобиліи дичи въ горахъ и объ удовольствіяхъ охоты на крупнаго звѣря.—Вы, батюшка, и понятія себѣ составить не можете, сколько въ горахъ звѣря—то — толковалъ онъ. Стада свиней попадаютъ штукъ до тридцати, особенно въ верхнихъ частяхъ Большой и Малой Лабы; есть олени и медвѣди, а ужъ сколько козъ дикахъ, такъ и сказать не умѣю.

— Да вѣдь и здѣсь охота должна быть тоже недурная, замѣтилъ я: край совѣтъ еще малолюдный; звѣря, вѣрно, множество въ дѣсахъ....

— Какое! Прежде точно что много водилось: бывало, въ походѣ

натянешься то на свиней, то на оленей, такъ такую перепалку колона задасть по нимъ, словно по неприятелю. Ужь и сколько мы ихъ перестрѣляли, бѣда! Случалось, въ одинъ день въ каждой ротѣ по четыре набама добудуть! Вотъ и невистрѣляли! Попадается, правда, звѣрь еще и теперь, только явномъ, да и то рѣдко, а те весь подался въ горы. Вотъ вальдшнеповъ такъ и теперь много бываетъ: хорошіе охотники бьютъ паръ до сорока въ день.

— Неужели? Гдѣ же у васъ ихъ такое множество?

— Да вотъ въ кругломъ лѣсу, а то и въ длинномъ есть: ворстахъ въ пяти отсюда, между коллерметской и кужорской дорогамъ. Хотите, поѣдемте завтра; у насъ, кстати, тутъ цѣлая компанія собирается: человѣка четыре, вы будете пятый.

— У меня собаки нѣтъ, отвѣтилъ я, моя осталась въ Енатеръ-нодарѣ.

— Ничего, добудемъ вамъ и собаку. Собака, впрочемъ, на весеннихъ вальдшнеповъ почти бесполезна. Охотились вы когда нибудь на весенняго вальдшнепа?

До того времени я незнакомъ былъ съ этого рода охотой, въ чемъ и привнался. П—ій съ такимъ увлеченіемъ распространился о прелести ея, съ такою готовностію брался снабдить меня собакою и всѣмъ необходимымъ для охоты, что я не въ силахъ былъ беротыся съ искушеніемъ, и согласился.

— Ну, такъ слушайте же: я сегодня же схожу къ Юсту, оружейнику, а не то сходите виѣсть, коли вамъ нечего дѣлать: У него мы обыкновенно собираемся. Заодно познакомитесь и съ прочими: все больше наша братія, офицеры. Юстъ тоже охотникъ.

Мнѣ не предстояло никакихъ занятій, и потому я съ удовольствіемъ принялъ предложеніе. Мы вышли, захвативъ съ собою и ружье, нуждавшееся въ осмотрѣ.

Черезъ полчаса мы подошли къ небольшому домишку, надъ крутымъ берегомъ рѣки Бѣлой.

— Герръ Юстъ! крикнулъ Онуфрій Пальтъ, подходи въ двери.

— Wer da! слышалон чей-то голосъ.

— Das ist eine Rose, und das ist auch eine Blume, отчеканилъ П—ій.—Отворяйте, что-ли?

— Сейчасъ, пашалуйте!... и черезъ нѣсколько минутъ на порогѣ показалась фигура небольшого, приземистаго, рыжеватаго господина, въ очкахъ.—О!... здравствуйте, полковникъ! Guten Tag! повдоровался онъ и со мною, взглядывая на меня вопросительно.—Пойдемъ въ хата.

— Das ist eine Tulpe, und das ist auch eine Tulpe, про-

должалъ декламировать П—й, котораго познанія въ нѣмецкомъ языкѣ, повидному, дальше не шли.

Квартира Юста была, въ то же время, и его мастерской, и представляла, по этому самому, хаотическій безпорядокъ. Самъ хозяинъ былъ въ рабочей блузѣ, съ напильникомъ въ рукѣ.

— Сатитесь, пощадуйста, госнода, пригласилъ онъ, указывая намъ на сундукъ, покрытый ветхимъ коврикомъ и принимаая изъ жомля рукъ ружье:

— Вашъ? спросилъ онъ меня, разсматривая оружіе и сдѣлавъ нѣсколько прикладовъ.

— Моё.

— Карошъ; aber немношко споршинъ, нада стволы править. Глядитъ!... И онъ, отнявъ логу, началъ поворачивать стволы противъ свѣта. Стволы, къ великому моему огорченію, точно оказались погнутыми.

— Когда могутъ быть готовы? Нельзя-ли къ завтраму? спросилъ я.

— Почему нельзя! сегодня можно; aber keine Zeit....

— Такъ когда же?

— Freitag, Sonnabend, Sonntag, считалъ по пальцамъ дочтенный нѣмецъ.... послѣ понедѣльника; раньше нѣтъ.

— Нельзя-ли раньше, снова молвилъ я, волнуемый опасностью утратить случай поохотиться: будьте столь любезны!...

— Юсть сказалъ нельзя.... Юсть значить justus, справедливый; онъ знаетъ: *peccat mundus, fiat justitia*, важно произнесъ онъ, приподымая брови и самодовольно взглянувъ на П—го.

— Да вы не очень латынью щеголяйте, герръ Юсть, перебилъ Онуфрій Ильичъ, подмигивая мнѣ, а лучше скажите: много-ли вальдшнеповъ въ кругломъ; вѣдь мы съ капитаномъ на нихъ собрались.

— *Zum Teufel hohlen mit die Waldschnörpel* проворчалъ мастеръ, какъ будто сконфуженный. — Это, вѣрно, вамъ Гейнрихъ сказалъ, а вы смѣтаете.... Гейнрихъ! крикнулъ онъ: *komm! komm her!*...

Въ дверяхъ сосѣдней комнаты показался мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, съ веселымъ открытымъ лицомъ.

— Ты полковнику сказалъ мой охота вчера на вальдшнеповъ?

— Нѣтъ, папа, ничего не говорилъ, отвѣчалъ тотъ, искоса взглянувъ на насъ.

— Правда скажи, продолжалъ допрашивать мастеръ. — Ты большой шельмъ и назевейсь (*).

(*). Нахаль, наглець.

— Право, не говорилъ, папа. Это, вѣрно, г-нъ Бюргеръ.

— Ну, ну, geh!... Aber мальшайтъ!

Мальчишкѣ исчезъ.

П—ій взглянулъ на меня многозначительно, какъ будто давая замѣтить, что ему извѣстны обстоятельства вчерашней охоты г. Юста, но онъ боится выдать мальчика, или не хочетъ сердить честнаго нѣмца.

— Чтожь, вы все-таки не сказали, Фридрихъ Ивановичъ, вновь заговорилъ полковникъ: есть вальдшнепы?

— Очень много.

— Такъ пойдемъ что-ли?... Вотъ и Иванъ Ивановичъ тоже.

— А вотъ работу кто дѣлать?... Дѣла много.

— Ну, дѣло—не воликъ, въ лѣсъ не уйдетъ; послѣ праздниковъ успеете.

Юсть взглянулъ на него недоувѣрчиво.

— Серьезъ? спросилъ онъ.

— Серьезно.

— Когда такъ, можно. Только зачѣмъ завтра, почему не сегодня? Бюргеръ обѣщалъ придти сегодня взять у меня шомполъ, онъ ѣдитъ, вотъ и мы ѣдимъ.

— Да у капитана ружья нѣтъ: это вѣдь не годится.

— У Юсть есть два: одно давайтъ Каританъ, другой самъ возьмитъ, весело сказалъ оружейникъ.—S'geht?

— Идетъ, отвѣтилъ я, очень вамъ благодаренъ, герръ Юсть.

Въ это самое время вошелъ въ комнату высокій плотный мужчина, въ охотничьемъ костюмѣ, съ ружьемъ въ рукѣ.

— О! Herr Bürger! guten Tag!

— Здравствуйте, герръ Юсть. Какъ вамъ живется? Здравствуйте, Онуфрій Ильичъ! обратился онъ къ П—му, пожимая его руку.

— Капитанъ Орѣховъ, капитанъ Бюргеръ, отрѣкомендовалъ насъ другъ другу П—ий.—Что, вы уже совсѣмъ готовы; въ круглый ѣдете?

— Да. Вотъ только зашелъ за шомполомъ къ Фридриху Ивановичу, вчера на охотѣ сломалъ.

— А вы вчера много убили?

— Порядочно; но убили бы больше, если бы не сломалъ шомпола; вальдшнеповъ пропасть.

— Но теперь, кажется, жарко для вальдшнепа: онъ въ крѣпяхъ; не лучше-ли попозже, такъ часа въ три послѣ обѣда, сказалъ П—ий....

— Да мы такъ и хотимъ: выйдемъ теперь, закусимъ въ кругломъ, поведемся на травѣ, а потомъ и за дѣло.

— Ну, вотъ и отлично! И мы съ Иваномъ Ивановичемъ пригласимъ къ вамъ, да и Фридрихъ Ивановичъ тоже. Пойдемте, капитанъ, собираться.

Мы вышли. Онуфрій Ильичъ шагаль шагаль тащъ ироторно, что я едва поспѣвалъ за нимъ. Черезъ четверть часа мы уже были въ охотничьихъ доспѣхахъ. Собака П—го вякала подъ ногами, радостно взвизгивая.

— Эхъ, напрасно вы собаки съ собою не взяли! говорилъ П—ий.—Сегодня уже не успѣемъ для васъ ее добыть. И какъ можно вхатъ въ горы безъ собаки—тутъ на каждомъ шагу охота! Ужь вы нонче стрѣляйте или шумовыхъ, или изъ подъ моей, а то какъ разъ вмѣсто птицы недотрѣлите человѣка. Ну, что, готовы?

— Готовъ.

— Значить, перекусимъ маленько, пока запрягутъ лошадей, а тамъ задемъ, возьмемъ Юста, и прямо въ круглый.

Черезъ часъ я слѣлъ въ легонькомъ тарантасѣ, запряженномъ тройною добрыхъ коней, въ общество П—го, Юста и двухъ собакъ, и шибко катился по равнинѣ праваго берега рѣки Бѣлой.

Майномъ лежитъ на правомъ берегу рѣки Бѣлой и замыкаетъ собою, на югъ, обширную равнинную полосу, простирающуюся отъ него на сѣверъ, между низовьями рѣкъ Бѣлой, Большой Ламы и среднимъ теченіемъ Кубани. Въ хорошую погоду видъ изъ Майнопа на горы превосходенъ. Мрачные контуры главного хребта, опоясаннаго облаками, изъ которыхъ тамъ и сямъ вырываются на темпосинемъ небѣ снѣжныя вершины, смягчаются зеленью нижнихъ террасъ, тихо сползающихъ къ Бѣлой, только—что вырвавшейся изъ своего тѣснаго ущелья и катящей на свободѣ свои свѣтлыя, голубыя волны. Я предоставилъ моимъ спутникамъ полную свободу препирательства о достоинствахъ и недостаткахъ ихъ собакъ, и весь отдался наслажденію прекраснымъ ландшафтомъ. Скоро мы въехали на невысокій плоскій уступъ и, повернувъ влѣво, остановились у опушки лѣса. Здѣсь мы застали уже Бюргера и еще человѣкъ пять офицеровъ, заседавшихъ на разостланомъ коврѣ. Нѣсколько денщиковъ возмались около горѣвшаго костра.

— Герръ Юсть!.... Онуфрій Ильичъ! Герръ Юсть!.... здравствуйте!... *Wie geht's!*... слышалось изъ ихъ кучки, какъ только тарантасъ нашъ остановился.

Мы подошли къ компаніи. Всѣ эти господа, за исключеніемъ

инженера Бюргера, оказавшись офицером К—го ибхотного полка, квартировавшего въ Маймпф. Черезъ нѣсколько минутъ, знакомотно наше было уже нелюбо, и мы весело тожковали о всевозможныхъ охотничьихъ подвигатъ и приключеніяхъ.

— Нѣтъ, я вамъ разскажу, господа, вмѣшался въ общій разговоръ молчавшій до той поры Бюргеръ, что съ однимъ нашимъ общимъ знакомымъ на охотѣ случилось. Вотъ смѣхъ—те!

— Разскажите! разскажите! слышалось кругомъ.... *Es war ein Mal!*.... началъ было П—ій. — Шш!.... не перебивайте! шумѣли прочіе.

— Одинъ знаменитый охотникъ—началь разсказчикъ—пошелъ въ лѣсъ на вальдшнеповъ, отправивъ впередъ своего товарища съ лошадью, чтобы послѣ охоты было на чемъ дичь везти....

— Упряжную или вьючную? спросилъ кто-то.

— Не мѣшайте! перестаньте!.... все равно!....

— Одѣлся этотъ знаменитый охотникъ въ большіе сапоги и прочій охотничій костюмъ, нагрузился чуть не пудомъ дроби и пореха, кликнувъ свою собаку, пришелъ благополучно въ кругому, вотъ гдѣ мы теперь. «Леди» сдѣлана стойку.... Тутъ только нашъ пріятель замѣтилъ, что ружье онъ дома забылъ.

— Ха, ха, ха!.... Знаемъ, кто это... ну что же дальше?

— .... Въ это время товарищъ, отправленный имъ прежде, увлекшись охотою, забрался въ чашу. Чтобы спасти свою репутацію, пріятель нашъ живо сбросилъ ягдташъ и пороховницу педъ кустъ, заложилъ руки въ карманы и пошелъ домой; но, спустившись съ горы, наткнулся на товарища, возвращавшагося уже съ порядочной добычей.

— А вы-же что? спрашиваетъ тотъ, удивленный, что видѣть его безъ ружья.

— Я ничего.... гуляю.... отвѣчаетъ нашъ пріятель.

— А ружье—то гдѣ? Вѣдь мы на охоту выѣхали.

— Это Юсть.... Фридрихъ Ивановичъ!.... Ха, ха, ха!... А гдѣ же онъ? Куда дѣвался нашъ егермейстеръ?—посыпались вопросы.

Мы оглянулись; но нѣмца около насъ не было: подъ шумокъ онъ далъ тягу съ своей «Леди». Два выстрѣла, часто одинъ за другимъ раздавшіеся свяди насъ въ лѣсу, подтвердили общую догонку.

— Гопъ, гопъ!!!! закричале нѣсколько голосовъ—Юсть!.... Гопъ!...

— Го-о-опъ! откликнулся онъ.

— Быва-а-ай!....

Скоро затрещали кусты и изъ нихъ выскочила нестрая «Леди», а за ней показалась и небольшая фигура Юста.

— Фридрихъ Ивановичъ! Фридрихъ Ивановичъ! Что же вы впередъ удрали? этакъ не годится; ужъ идти такъ вмѣстѣ.... Разскажи-те—на про вчерашнюю вашу охоту, вставилъ кто-то.

Фридрихъ Ивановичъ взглянулъ грозно черевъ очки на говорившаго, потомъ на Бюргера, и, погрозявъ на него пальцемъ, продритировалъ: «*Tu quoque, Brutus!*.... нехорошо: въ своемъ глазъ бревно видить—въ чужомъ не видѣлъ ничего!

— То есть «въ чужомъ глазу мы снизу видимъ, въ своемъ невидимъ и бревна» поправилъ его Ц—ий при обидѣ смѣхъ.

— Ну, это все равно.... Вы лучше пойдемъ на охоту, а тотъ лучше будетъ смѣяться, который послѣдній смѣется.

— И то правда, господа! двигаемся что-ль.... Боцей!.... ісі! Гейторъ!.... зашумѣла наша компанія, подытмась и отправляясь въ лѣсъ.

Люблю я охоту. Славная это забава. Весело дышется въ свѣжѣмъ тѣнистомъ лѣсу; нога не чувствуетъ усталости. Бѣжно носится впереди ушная собака, озираясь и стараясь, но вглядѣвъ въ ваше, угадать ваши мысли и намѣренія. Но вотъ поискъ ея сдѣлался горячѣе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, осторожнѣе: длинными, но неслабыми прыжками носится она въ кустахъ, перепрыгиваетъ пни и валежники, и какъ ловко, какъ граціозно! Вотъ она метнулась вправо, влѣво, и вдругъ остановилась, замерла на сжачкѣ, вперивъ взглядъ въ какой-то предметъ для васъ еще невидимый.... Будьте готовы—это вальдшнепъ!

— Впередъ!....

Шумно и быстро всорхнулъ долгоносый, но вашъ выстрѣлъ догналъ его на первомъ же колѣнѣ его извилистаго полета, и черезъ минуту онъ уже болтается на вашемъ поводѣ, какъ почетный трофей вашего искусства.

Поздно вечеромъ, выбрались мы изъ лѣса, порядкомъ усталые. Костры изъ валежника высоко пылали у опушки, обливая краснымъ свѣтомъ высокія деревья. Мнѣ не повезло на этотъ разъ: я учинилъ убійство только одного пернатого. Другимъ повезло лучше, и мы, усѣвшись около огня, занялись чаемъ, рассказывая о своихъ успѣхахъ и неудачахъ. Фридрихъ Ивановичъ обстрѣлялъ всѣхъ, и теперь трунилъ надъ Бюргеромъ.

— Вашъ собакъ какъ называетъ? спросилъ онъ.

— Сама знаете какъ—Бекомъ.

- Ви его назовить Грошъ.
 — Это зачѣмъ?
 — Затѣмъ—ому цѣна конѣйка.
 — Ну, ужъ и ваша «Леди», тоже собака!....

Юсть молча повернулъ къ инженеру лѣдташъ, весь увѣшанный дичью.

- Это мой «Леди», добавилъ онъ съ торжествомъ.
 — Bravo, bravo, Юсть! молодець Фридрихъ Ивановичъ! говорили прочіе.—Правда ваша: «Леди» лучше «Бека».

Долго еще шла веселая болтовня. Тѣмъ временемъ померкшее небо освѣтилось; длинныя тѣни легли отъ лѣса на поляну; взошелъ мѣсяцъ.

— А пора-бы и домой; свѣжо становится, замѣтили нѣкоторые изъ насъ. И точно, была пора: усталость, незамѣчаемая на охотѣ, дѣйствуетъ очень быстро послѣ нея; многихъ, въ томъ числѣ и меня, клонило ко сну.

Часъ спусти, мы съ Онуфриемъ Ильичемъ свѣдѣли уже дома, и развивали вдвоємъ планъ предстоявшей рекогносцировки.

— Вотъ жалко, что Ф* (*) не охотникъ, а то тамъ краснаго звѣря тоже много. Ну, да вы скорѣ кончайте съ нимъ, и возвращайтесь сюда; я къ тому времени составляю нашъ конвой изъ такихъ охотниковъ и стрѣлковъ, что чудо; не походъ будетъ, а прогулка. Однако вы совсѣмъ уже спите, добавилъ онъ, замѣтивъ мою усталость.—Доброй ночи!

Я, точно, дремалъ уже и, простившись съ любезнымъ хозяиномъ, черезъ нѣсколько минутъ заснулъ, какъ спать только послѣ охоты.

Дней шесть еще пришлось мнѣ прогостить въ Майкопѣ у радушнаго Н—го; и, какъ ни старался онъ развлекать меня, я скучалъ невольнымъ бездѣльемъ. Раза два послалъ я проводниковъ въ горы, разузнать о состояніи въ нихъ дорогъ, но они возвращались съ однимъ и тѣмъ же отвѣтомъ: дорогъ нѣтъ. Приходилось ждать.

На седьмой день поутру, изъ Хамышковъ пріѣхалъ нарочный, съ извѣстіемъ отъ Ф., что верховья рѣки Бѣлой нѣсколько очистились отъ снѣга, и доступъ туда возможенъ.

Эта вѣсть меня обрадовала. Отправивъ немедленно проводниковъ въ Хамышки и пославъ на почту за лошадьми, я увѣдомилъ доктора, что выѣзжаю.

Не прошло и часа, какъ явился и докторъ, сопровождаемый денщикомомъ, несшимъ небольшой чемоданъ.

(*) Командиръ линейнаго N баталіона, квартировавшаго въ уроч. Хамышкахъ.

— Ну, Егоръ Петровичъ, готовы-ли вы?—Пора ѣхать, а то за-гостился я у васъ въ Майкопѣ, обратился я къ нему.—Я уже и за лошадами послалъ.

— Что-жь, тово.... и хорошо сдѣлалъ:—и совѣшь готовъ. Онуф-рій Ильичъ—тоже, тево.... съ нами?

— Нѣтъ, онъ послѣ, а пока только мы съ вами вдвоемъ.

Егоръ Петровичъ полѣтъ въ карманъ, вытаскигъ записную книж-ку и карандашъ, надѣлъ очки и погрузился въ свои замѣтки.

— Позвольте васъ.... тово.... спросить, обратился онъ ко мнѣ черезъ нѣсколько минутъ: вы давно на службѣ?

— Съ ..55⁷ года.

— А офицеромъ?

— Тогда-же.

— Благодарю.... тово.... я запишу-сь.

И онъ снова занялся замѣтками. Скоро вернулся кавакъ, по-сланный мною на почту, съ извѣстіемъ, что раньше двухъ часовъ пополудни лошадей не будетъ.

Приходилось протянуть еще срокъ моего пѣзна. П—го не было дома—онъ занятъ былъ въ офей канцеляріи, а мой будущій спут-никъ всецѣло погрузился въ хронику текущихъ событій. Медленно и рачительно двигался его карандашъ по бумагѣ. Такъ прошло съ пол-часа.

— И у васъ цѣлы все ваши записки, Егоръ Петровичъ, спро-силъ я его, чтобы вызвать на разговоръ.

— Почти все.... тово.... цѣлы. Вотъ только.... тово.... за 46 годъ утонули, да за 57-й нѣсколько мѣсяцевъ.... тово.... не въ поряд-кѣ: мыши съѣли.

— Ну, какъ же вы ихъ пополните?

— А вотъ.... тово.... спрашиваю, и вношу-сь.

Приходъ П—го, узнавшаго о выѣздѣ моемъ и пришедшаго про-ститься, прекратилъ нашъ разговоръ, но не прекратилъ занятія Г—го. Поздоровавшись съ вшедшимъ, онъ продолжалъ строчить въ своей тетради. Онуфрій Ильичъ подмигнулъ мнѣ и спросилъ, когда я ѣду.

— Когда лошади будутъ, отвѣтилъ я: общають въ два часа.

— Ну и отлично; значить безъ обѣда не будете.

— А развѣ съ этой стороны была опасность?

— Немалая. До Абадзехской станицы вы нигдѣ ничего не до-станете, а въ Абадзехскую раньше вечера не будете: дорога отвра-тительная. Вы какъ рассчитываете ѣхать, всю ночь?

— Да, если не встречу остановки въ лошадахъ.

— Ну, безъ этого здѣсь нельзя, и потому будьте довольны, если заночуете въ Абадзехской; тамъ и квартира для преѣзжающихъ хороша, да и дорога дальше идетъ такого сорта, что нечѣмъ ѣхать не приходится. Побѣдете—сами увидите. Да не забудьте, какъ проѣдете Абадзехскую, взгннуть на каменный мостъ: это одна изъ самыхъ крупныхъ достопримѣчательностей у насъ на Кавказѣ.

— Что такое? какая... тово... достопримѣчательность? спросилъ Г—ій.

— Каменный мостъ.

— Гдѣ, тово....

— На рѣкѣ Бѣлой, выше станицы Абадзехской.

— Благодарю.... я такъ и запишу-сь.

— Такъ и запишите.

Не знаю какъ долго тнулось бы безконечное записываніе почтеннѣйшаго Егора Петровича, если бы вопедній ординарецъ генерала С—го не возвѣстилъ, что генералъ «требуется» и меня, и П—го.

Мы оставили Г—го надъ его хроникю и отиравились за посланнымъ.

Дорогомъ П—ій мнѣ объяснилъ, что Г—ій, очень добрый и любимый всѣми человекъ, но одержимъ страстію въ письменнымъ знакамъ, и что чудачество это, развитое у него до «idea fixe», заставляетъ подчасъ серьезно опасаться за его здоровье.

С—ій прислалъ за мною, чтобы, на основаніи моихъ соображеній о выѣздѣ, послать донесеніе начальнику области и изложить въ немъ причины, замедлившія рекогносцировку. Къ П—му шло особое какое-то дѣло, по хозяйству баталіона.

Переговоривъ съ генераломъ, я вернулся домой; вскорѣ пришелъ и Онуфрій Ильичъ, и мы усѣлись съ нимъ за ранній обѣдъ или, точнѣе, завтракъ.

За обѣдомъ П—ій развернулся вполне, сыпалъ разказами изъ своей недаромъ прожитой жизни. Изъ добраго товарища по охотѣ на вальдшнеповъ и радушнаго хозяина-хлѣбосола онъ преобразился въ дѣльнаго боеваго офицера, выдавашаго на своемъ вѣку виды, бывавшаго, что называется, и на копѣ, и подъ конемъ.

Звукъ колокольчика подѣхавшей тройки напомнилъ мнѣ объ отѣздѣ. Пять минутъ спустя пришелъ и Г—ій, въ длинной офицерской шинели съ кашпономъ. Простившись съ радушнымъ Ону-

фронтъ Ильичей, мы успѣли на перекинутомъ мѣстѣ въ Хамышки.

Дорога изъ Майкова въ Хамышки идетъ правѣмъ берегомъ рѣки Бѣлой, на станицы Абадзекскую и Даховскую, минуя Баманностскую, расположенную на лѣвомъ берегу рѣки, и, не доѣзжая версты шесть или семь до Хамышковь, переходить, по перекинутому черезъ рѣку мосту, на другую ея сторону. До Абадзекской дорога идетъ почти прямо, по узкой полесѣ майковской местности, вдавнейся далеко въ долину Бѣлой; далѣе долина рѣки, постепенно суживающаяся, обращается въ ущелье дикаго, мрачнаго характера. Мы ѣхали очень медленно, и уже въ сумерки добрались до семиполѣнной горки, лежащей въ углѣ, образуемомъ впаденіемъ рѣки Фюфты въ Бѣлую. Названіе свое гора получила отъ множества зигзаговъ, или колѣвъ, которыми пришлось инженерамъ ее мѣрять, чтобы дать отлогій уклонъ дорогѣ. Здѣсь, въ 1862 году, происходило знаменитое и очень кровопролитное дѣло одного батальона Апшеронскаго полка съ огромнымъ скопищемъ абадзеховъ, окончившееся полнымъ пораженіемъ послѣднихъ.

Дорогѣю, слуги мои хранили молчаніе и какъ будто подремывали. Въ ночи пріѣхали мы въ станицу и остановились у станичнаго правленія. Съ нами ѣхалъ еще одинъ изъ казаковъ, отданныхъ въ мое распоряженіе на время командировки. Я отправилъ его добыть лошадей, или отыскать квартиру для проезжающихъ.

Мы ждали его довольно долго. Наконецъ онъ возвратился и объявилъ, что лошади будутъ около четырехъ часовъ утра, если я заплачу по вольной цѣнѣ, потому что почтари гуляютъ на чьихъ-то крестникахъ и не хотятъ ѣхать за прогонными деньгами, а что квартира свободна, хороша и недалеко.

Приходилось волей-неволей вооружиться терпѣніемъ, остановиться на квартирѣ и, въ ожиданіи луны, напиться чаю и похмелотать о лошадяхъ.

Квартира оказалась опрятною, просторною хатой. Хозяйка, молодая, разбитная баба, слегка подъ хмѣлькомъ, распычалась въ похвалахъ своей изобрѣтливости, въ пять минутъ успѣла сдѣлать перекилку всѣмъ, сколько нибудь большимъ господамъ, когда либо у нея останавливавшимся, и проворно притащила огромный кипящій самоваръ.

Г—ій на этотъ разъ оставилъ въ сторонѣ свои замѣтки и хлопоталъ о чаѣ. Я послалъ за судьей (*) въ станичное правленіе и

(*) Судья въ станицахъ имѣетъ то же значеніе по отбыванію земскихъ обязанностей, что въ нашихъ русскихъ селахъ волостной и сельскій старосты. Къ со-

предался размышлениямъ о способахъ дальнѣйшаго нашего передвиженія.

Прошелъ добрый часъ, пока не возвратился мой посланный, въ сопровожденіи небольшого ступловатого оварика, съ динкою, съ дою бородю.

— Вы судья? спросилъ я.

— Я. Что вамъ?

— Лошадей нужно; почему не дасть?

— Ночтари не хотятъ ѣхать за прогоны.

— А кто же долженъ ихъ заставить?

— Это не наше дѣло.

— Чьѣмъ оно?

— А Богъ—о—знаеть.

— Ну, такъ знай же, что это твое дѣло, и ты мнѣ дуракомъ не прикидывайся, отвѣтилъ я, возмущенный его наглостью. — Пакомовъ! ступай съ нимъ къ станичному начальнику, и скажи, что вотъ судья не хочетъ дать лошадей за прогоны, и задерживаетъ насъ.

— Ну, чтожь, и къ станичному пойдемъ!... эа штука станичный!... а лошадей все—таки до утра не будетъ, ворчалъ судья, направляясь къ двери.

Мнѣ были тогда уже неновы казачьи порядки, и потому я хладнокровно выслушалъ эту угрозу и рѣшился ждать результатовъ моего посольства.

Прошло еще добрыхъ полчаса, пока вернулся Пакомовъ, уже одинъ.

— Ну, что скажешь?

— Станичный сказалъ, что ему некогда стипъ дѣломъ заниматься, потому у нихъ гости, въ карты играть.

— А не слыхалъ, какъ его зовутъ?

— Есаулъ Касьяновъ.

— Ну, ступай же ты къ есаулу и скажи отъ меня, что ежели я съ разсвѣтомъ не выѣду отсюда въ Хамышки, то пошлю съ нарочнымъ обо всемъ донесеніе наказному атаману, и приготовься ѣхать. Вотъ тебѣ и открытый листъ на верховыхъ лошадей. Если есаулъ

жалѣваю, большинство ихъ неграмотны и находятся въ рукахъ станичныхъ писарей, которые въ сущности—то и есть мѣстные администраторы, и почти сплошь—отъявленные плуты. Должность станичныхъ начальниковъ, на которую назначаютъ обыкновенно оенцеровъ, даетъ такое ничтожное содержаніе (иногда 20 руб. въ годъ!), что лица эти, въ матеріальномъ отношеніи, вполне зависятъ отъ добровольныхъ приношеній своихъ подчиненныхъ, и потому молча смотрятъ на всѣ ихъ злоупотребленія.

не общается, что къ свѣту будутъ лошади, предъяви ему листъ, проси лошадей, и займай ко мнѣ за конвертомъ.

— Слушаю—съ!

На этотъ разъ намъ пришлось ждать возвращенія Пахомова гораздо дольше.

Онъ возвратился въ сопровожденіи нѣсколькихъ казаковъ, порядочно захмѣлѣвшихъ, но настроенныхъ дружелюбно; судьи между ними не было.

— Вы, ваше благородіе, ничево, не обижайтесь!... потому не-хорошо, говорилъ одинъ: — не годится!... А лошадей дадимъ, ей-богу! Вотъ только что крестины у свата: ну, этта значить.... лучше поутру.

— Намъ что лошади? Когда угодно, хоть сейчасъ! Только, ваше благородіе, знаете какая дорога въ Хамышки—то?... А завтра, по видному, первый сортъ, тараторилъ другой.

— Что же, есть лошади? спросилъ я Пахомова.

— Станичный приказалъ дать; судья вотъ и прислалъ почтарей; да что жъ съ ними подѣлаешь: сами изволите видѣть, въ какомъ они безобразіи.

— Кто? Мы? вскинулся одинъ изъ пришедшихъ.—Нѣтъ, братъ, постой: я старый казакъ, а ты что?...

Пришлось прогнать гостей и ночевать въ Абадзехской, потому что ѣхать съ пьянымъ возницей, ночью, по горной дорогѣ, было бы большимъ рискомъ, да и, судя по всему, трудно было рассчитывать добыть лошадей отъ станичныхъ властей раньше утра. На всякій случай я сдѣлалъ имъ внушеніе, довольно, впрочемъ, энергичное, и удовлетворился общаніемъ очереднаго почтаря, самаго хмѣльнаго изъ всей компаніи, что лошади будутъ «до бѣлой зари».

На слѣдующій день, чуть только забрежжилъ свѣтъ, перекладная уже стояла у подъезда нашей квартиры. Почтарь сдержалъ слово. Проглотивъ по стагану чаю, мы хотѣли уже идти садиться въ телегу, какъ вошла хозяйка наша, въ сопровожденіи дѣвочки лѣтъ десяти, съ желтымъ, отекшимъ лицомъ.

— Я, поштенные господа, къ вамъ—пособите: лихорадка осилила дѣвку—отъ мою.

— Давай сюда.... тово, проговорилъ Г—ій. — Давно.... тово, больна?

— Да, вотъ, мало—не другой годъ.

— Хину давали?

— Чаво?

— Хину.

— А Богъ—е—знаеть. Давалъ фельшеръ разнаго зелья—не помогло. Опять господа ѣхали тоже, такъ лечили; только все не пособили.

Г—ій замигалъ глазами и подошелъ къ дѣвочкѣ. Та спряталась за мать.

— Ты не бойся.... тово.... не съѣмъ; я добрый, говорилъ

Г—ій.—Ну, чего же ты боишься?

— Нютка, не балуй! Слышь, баринъ кажетъ, онъ добрый! Чаво же испужалась?

Но дѣвочка крѣпко уцѣпилась за юбку матери и пугливо выглядывала изъ-за нея.

— Иди што ль! не то плюхъ надаю! ишь ты шельма! говорила мать, насильно отрывая ее и толкая къ доктору.

— Не бойся.... тово.... я сахару вотъ, тово, тебѣ.... боржоталъ скороговоркой Егоръ Петровичъ.

Соединенными ихъ усиліями дѣвочка очутилась, наконецъ, въ рукахъ у доктора, поглядывая изъ подлбья то на него, то на меня.

Докторъ полезъ въ боковой карманъ, досталъ оттуда бумажникъ и вынулъ изъ него порошокъ.

— На-на, прими.... тово.... это, обратился онъ къ ребенку; но дѣвочка быстро вырвалась изъ его рукъ и снова очутилась за спиной матери.

Долго возились они вдвоемъ, заставляя больную принять лекарство; наконецъ кое-какъ насильно всыпали порошокъ ей въ ротъ и залили чаемъ. Дѣвочка заревѣла благимъ матомъ.

— Ты бы.... тово, ей питье варила, а то она крѣпко больна, говорилъ Г—ій:—водянка начинается.

— А Богъ—е—знаеть, кое питье варить, отвѣчала мать.

— Травка, такая.... тово.... цвѣтки такіе желтые, знаешь; листья широкіе, тово....

— Энто што на болотѣ много?

— Нѣтъ.... тово.... то не надо: то цыкута, Боже сохрани!...

— Ну, а какой же?

— Пстой.... тово.... забылъ названіе.... пстой!... *grimula veris*—знаешь?

Я крѣпился, чтобы не расхохотаться. Казачка стояла выпуча глаза.

По описанію свойствъ этого растенія, мнѣ удалось, наконецъ, объяснить казачкѣ, что цвѣтокъ этотъ не что иное, какъ степной

одувачицъ, изъ корней котораго, выкопанныхъ весной, и должно было быть приготовлено лекарство отъ водянки. Понявъ въ чемъ дѣло, хозяйка поблагодарила насъ, пожелаала счастливаго пути и ушла, а черезъ пять минутъ мы съ Г—иъ подпрыгивали въ непокойной перекладной, двигавшейся по направленію къ Хамышнамъ.

Дорога отъ Абдзахской, на протяженіи четырехъ—пяти верстъ, тянется по довольно еще широкой плоскости праваго берега Бѣлой; лѣвый же ея берегъ представляетъ цѣнь крутыхъ отроговъ, покрытыхъ лѣсомъ. Дальше долина суживается и обращается въ тѣсное, скалистое ущелье, по дну котораго шумно несется огромный горный потокъ. У входа въ ущелье лежитъ станція Каменноостская, названная такъ по сосѣдству своему съ натуральнымъ каменнымъ мостомъ черезъ Бѣлую, лежащимъ съ версту выше ея. Отъ Каменноостской дорога лѣзится совершеннымъ карнизомъ, надъ кручею, и извиается змѣю между утесами и оврагами. Полотно дороги такъ урчо, что, въ случаѣ встрѣчи съ другою повозкою, разѣхаться можно только на поворотахъ, гдѣ она нѣсколько шире. Около часа ѣхали мы до Каменноостской. Я нетерпѣливо понукалъ возницу, желая поскорѣе полюбоваться каменнымъ мостомъ. Глухой ревъ воды, по мѣрѣ нашего приближенія, дѣлался явственнѣе, наконецъ обратился въ шумъ, похожій на паденіе крупнаго водопада.

— Вотъ и мостъ! сказала ямщикъ, осаживая лошадей:—угодно посмотреть?

Мы выѣзжали и пошли вправо отъ дороги, гдѣ съвозъ кусты такъ близко виднѣлись скалы другаго берега, что я считалъ ихъ сначала на нашемъ берегу. Пройдя сажени четыре, мы очутились на вершинѣ высокаго узкаго свода, подъ которымъ, на глубинѣ 10—12 сажень, нѣсколькими водопадами прыгала по каменнымъ уступамъ рѣка Бѣлая. Стѣнная въ своемъ узкомъ руслѣ огромнымъ утесомъ, она раздѣлилась на два протока, подмыла нѣсколько громадныхъ каменныхъ глыбъ въ обоихъ берегахъ, и онѣ, падая въ рѣку, встрѣтились верхними своими краями и составили двѣ прочныя арки (*).

(*) Въ лѣвой, однако, не доставало замковаго камня, и онъ замѣненъ былъ частялкою изъ досокъ. Въ послѣдствіи я слышалъ, что его вымыло наводненіемъ 1864 года, когда, отъ сѣжнаго обвала въ истокахъ, Бѣлая хлынула внезапной волной въ нѣсколько сажень вышины. Слѣды катастрофы были еще видны и обозначались посохшей травой и мелкимъ валежникомъ, засѣвшимъ высоко на вѣтвяхъ деревьевъ праваго берега. Въ послѣднюю эпоху минувшей войны, у горцевъ праваго еланга, на каменномъ мосту было мѣлкеме, т. е. народный судъ, подъ предсѣдательствомъ Мегметъ-Амина; преступниковъ, по произнесеніи надъ ними приговора, бросали съ моста въ рѣку.

Перегнувшись через перила, сдѣланныя изъ нѣсколькихъ жердей, я нѣсколько минутъ, молча, любовался эффектной картиной. Г—ій усьлся на камень и вносилъ свои наблюденія въ тетрадку.

Почему, думалось мнѣ, есть такъ много охотниковъ гоняться по свѣту за красотами природы и диковинками въ чужихъ краяхъ, а нашъ Кавказъ, столь богатый ими, остается за штатомъ? Или мы лишены чувства пошннанія ихъ? Для славянской нашей скромной натуры неспособна трубить объ отечественныхъ рѣдкостяхъ, и, по обычаю предковъ, виѣняетъ себѣ въ похвальную обязанность восхищаться только чужимъ? Случись такое диво гдѣ-либо въ Швейцаріи, въ Германіи или во Франціи, промышленный духъ народа сдѣлалъ бы изъ него славную аферу. Скоро, какъ грибокъ, выросла бы гостинница, съ пумерами для путешественниковъ, явились бы истинные проводники-фюреры; въ гдаяхъ отиѣтили бы эту *Seltenheit* словомъ *Sprung der Bielaја*, или какъ нибудь еще забористѣе, и явилась бы здѣсь сначала деревушка съ нѣсколькими отелями, потомъ городокъ; завелась бы торговлишка, развилось бы благосостояніе. Ничего подобнаго еще и тѣни нѣтъ въ окрестностяхъ каменнаго моста; ближайшія станицы, Каменноостская, Даховская и Абадвехская, населенныя охотниками изъ старолинейскихъ станицъ, людьми, по большей части, плохой нравственности, далекіи отъ процвѣтанія; жители трудно свыкаются съ климатомъ, болѣютъ и ирутъ отъ ляхорадокъ, и не радуютъ ихъ ни вѣшнее сннее небо, ни величественныя очертанія горъ!...

Легкій толчекъ въ бокъ вывелъ меня изъ задумчивости. Передо мной стоялъ Г—ій съ карандашемъ и тетрадкой въ рукѣ.

— Что.... тово.... не отойти-ли лучше вамъ отъ перилъ, а то какъ-бы не упали: голова можетъ закружиться.

— Не бойтесь, Егоръ Петровичъ, нервы мои вѣрны и я не страдаю головокруженіемъ.

— Нѣтъ.... тово, все-таки лучше войдемъ прочь.... тово. И онъ взялъ меня подъ руку съ проворствомъ, какого я отъ него не ожидалъ, и свелъ съ моста.

— Такъ.... тово.... лучше будетъ, протянуль онъ, ввѣряясь на повозку. Я послѣдовалъ его примѣру, и мы поѣхали.

Чѣмъ дальше подвигались мы, тѣмъ тѣснѣе и диче становилось ущелье. Лѣсъ, которымъ густо поросли оба его ската, изъ сплошнаго, почти, дуба исподоволь переходилъ въ еловый. Дорога становилась уже и извилистѣе; мѣстами колесо катилось въ нѣсколь-

внхъ вершиновъ отъ обрыва, въ которомъ, пѣнясь и брызгая, съ ревомъ неслаась рѣка.

Многіе восхищаются Дарьязскимъ ущельемъ и его мрачною, пустынною красотой. На мой взглядъ ущелье рѣки Бѣлой отъ каменнаго моста къ Хамышицамъ и краснѣе, и величественнѣе. Мѣстами оба берега такъ близко сходятся, что нѣтъ особеннаго труда его перескочить. Потокъ, каждаціи выслу, и больше и шумнѣе, горы такъ же дико въ очертаніяхъ, но только нагота ихъ прикрыта темной зеленью ели и сосны.

Отъ Каменноостской, на протяженіи версты шести или семи, лѣвый берегъ ущелья очищенъ отъ лѣса, и потемнѣвшіе стволы гигантскихъ деревьевъ, разметанные въ безпорядкѣ, висятъ надъ рѣкою до перваго хорошаго дождя или снѣговаго обвала. Это просѣка, сдѣланная отрядомъ генералъ-маіора Геймана (*), прошедшаго въ 1862 году въ Дахо—пунктъ, считавшійся у горцевъ дотолѣ неприступнымъ.

Мы пріѣхали въ Хамышии часамъ къ двумъ пополудни, и остановились у штабсъ-капитана Н., котораго дожили, болѣе другихъ просторный, служилъ, со дня своего сооруженія, временной квартирой для пріѣзжающихъ по дѣламъ службы штабъ-офицеровъ и чиновъ областного штаба. Н—въ, къ крайнему моему удивленію, оказался близкимъ мнѣ родственникомъ и школьнымъ товарищемъ, съ которымъ прихотливая судьба разлучила меня лѣтъ двадцать тому назадъ. Тѣмъ радостнѣе была наша встрѣча. Обо многомъ хотѣлось намъ переговорить; но прежде надобно было явиться мѣстнымъ властямъ въ лицѣ баталіоннаго командира, полковника Ф., и потому мы обмѣнивались только урывчатыми фразами, пока я преобразался изъ походнаго костюма въ парадный.

Хамышии, какъ я уже упомянулъ, принадлежать къ числу пунктовъ, такъ сказать насиженныхъ нашими отрядами въ послѣдній періодъ кавказской войны. Урочище это не что иное, какъ котлообразный раструбъ ущелья рѣки Бѣлой, пересѣченный тремя небольшими ея лѣвыми притоками, изъ которыхъ наибольшій рѣка Дзыхъ, известно ради чего, названный на картѣ рѣка Азишъ. Хамышейская долина, во время войны, имѣла для насъ важное значеніе, какъ узелъ горскихъ тропъ, ведущихъ на южный склонъ черезъ перевалы Шатлибъ (Бѣлорѣченскій) и Псегашео (изъ Уруштена, притока м. Лабы, въ рѣкѣ Мзымтѣ). Кромѣ того, котловина эта, по трудности къ ней доступа, была долгое время у горцевъ складочнымъ мѣстомъ

(*) Тогда еще полковника.

всякихъ запасовъ и хлѣба (*). По занятіи ея нашими войсками, здѣсь поставленно было укрѣпленіе, съ цѣлью служить опорнымъ пунктомъ для дѣйствій вверху по Бѣлой, а вслѣдъ затѣмъ устроена штабъ-квартира линейнаго N° баталіона. Въ бытность мою тамъ, она состояла изъ форштата и укрѣпленія, впрочемъ уже упраздненнаго, и имѣла около сотни небольшихъ деревянныхъ домиковъ. Торговля велась въ нѣсколькихъ духанахъ, исключительно спиртными напитками и бакалеєю.

Мы застали Ф*. дома. Это былъ средняго роста, плотный мужчина, съ мужественнымъ, красивымъ лицомъ. Любезность, съ какою онъ встрѣтилъ меня, привела меня почти въ смущеніе. Не было конца комплиентамъ и рукопожатіямъ.

— Ви, конечно, у меня отобѣдаете; я васъ не пущу, говорилъ онъ, обнаруживая на каждомъ словѣ свое нерусское происхожденіе, заѣмную шипящую бѣгую мягенькими в, ц и с.—У меня обѣдъ готовъ совсѣмъ. Снимите саски, госнода. Капитанъ N°, куда-же вы? обратился онъ къ послѣднему, замѣтивъ его покушеніе откланяться: ви тозе у меня обѣдаете. Я васъ арестую на это время.

Вошелъ деньщикъ съ обычнымъ: «пожалуйте кушать».

Мы перешли въ столовую, гдѣ застали молодавую даму, равливашую супъ. Это оказалась ховайна, Лизавета Гавриловна Ф*. Черезъ десять минутъ послѣ рекомендаціи, мы уже разговаривали съ нею какъ старые знакомые. Она живо интересовалась предстоявшимъ расселеніемъ баталіона, спрашивала о цѣли этого распоряженія, и входила въ такія подробности солдатскаго быта, баталіоннаго и ротнаго хозяйства, что я не могъ скрыть своего удивленія.

— Вы такъ хорошо знаете всѣ подробности баталіонной администраціи, что можете отлично завѣдывать хозяйствомъ этой части, невольно вырвалось у меня.

— Познакомишься, отвѣтила она, какъ проживешь нѣсколько лѣтъ въ полковомъ или баталіонномъ штабѣ, а я вотъ двѣнадцать лѣтъ замужемъ за Афанасіемъ Афанасьевичемъ. Мы, штабъ-квартирные дамы, не отдѣляемъ своихъ интересовъ отъ интересовъ части, а смотримъ на баталіонъ или на полкъ, гдѣ служатъ наши мужья, какъ на семью. У насъ и солдаты привыкли къ такому порядку. Спросите любого изъ нихъ: кто я такая? вамъ имени моего не скажутъ, не знаютъ, а отвѣтятъ—командирша; и если бы, въ отсутствіе мужа, горцы, напримѣръ, сдѣлали нападеніе на Хамышки, я могла

(*) Хамышки заняты въ 1862 году, въ декабрѣ мѣсяцѣ, отрядомъ полковника (нынѣ генералъ-маіоръ) Геймана.

бы принять начальство надъ гарнизономъ, въ полной увѣренности, что солдаты слушались—бы меня такъ же точно, какъ слушаются Афанасія.

— Ну а если—бы ты струсилъ, вставилъ Ф*: плохо пришлось—бы.

Лизавета Гавриловна взглянула на него съ выраженіемъ упрека, какъ будто обиженная такимъ невыгоднымъ для нея и почти невѣроятнымъ предположеніемъ.

— Ну, ну.... знаю, что ты и храбрая, и распорядительная дама, спѣшилъ поправиться Ф*. Вы, капитанъ, когда хотите выступить въ походъ?

— Это будетъ зависѣть отъ васъ, полковникъ, отвѣтилъ я. Я совсѣмъ готовъ.

— Я тоже. Куда—же мы пойдемъ?

— Сначала вверхъ по лѣвому берегу Бѣлой, потомъ попробуемъ пробраться ущельемъ Гузерипля (лѣвый притокъ рѣки Бѣлой) какъ можно дальше, и поискать на ней, или на рѣкѣ Бѣлой, поляны для одной изъ ротъ. Ущелье рѣки Бѣлой, по дикости своей, представляетъ много удобствъ для укрыванія хищниковъ, и потому должно быть занято какою нибудь ротою.

— Какіе тамъ хищники? Никакихъ хищниковъ не можетъ быть въ такой трущобѣ. Горцы тоже не дураки, чтобы селиться тамъ, гдѣ только лѣсъ да горы.

— Но вы забыли, полковникъ, что такъ называемые хакучи именно въ такихъ—то мѣстахъ и селились на южномъ склонѣ, а теперь, какъ ихъ распугали оттуда прошлой зимою, такъ они, навѣрно, переберутся на сѣверный (*).

— Э! что хакучи! Это дрянъ какая—то, байгуши (**). Стоитъ—ли изъ—за нихъ хлопотать столько? Впрочемъ, что—жь, на Гузериплѣ такъ и на Гузериплѣ!... Григорій Дмитричъ, обратился онъ въ Н—ву, вы тутъ—съ всѣ горы вытоптали: есть тамъ удобныя мѣста?

— Есть, полковникъ, но только одно: Тлпльвишъ, да и то тѣсно будетъ для роты.

— А далеко отсюда?

— Верстъ двадцать пять, одинъ переходъ будетъ. Только дорога туда плоха.

(*). Предсказаніе мое, въ сущности, исполнилось очень скоро, и три оециера, въ томъ числѣ и бѣдный Н—въ, заплатили жизнью за познанию и не совсѣмъ основательную разстановку ротъ.

(**) Ницѣ.

— Ну, ничего; значить, завтра мы туда и выступимъ. Назначьте въ конвой намъ двадцать пять стрѣлковъ вашей роты.

— Я только что хотѣлъ проситься у васъ, Афанасій Афанасьевичъ, пройти съ капитаномъ по горамъ. Позвольте?

— Съ большимъ удовольствіемъ. Это у насъ домашній горецъ, обратился онъ ко мнѣ: веѣ дорожки знаетъ около Хамышевъ; онъ же и главный инженеръ—строитель. Видѣли мостъ черезъ рѣчку Хамышейку? Его построилъ. Домъ, въ которомъ онъ живетъ, тоже своими руками, вмѣстѣ съ деньщикомъ, выстроилъ.

Я взглянулъ на Н—ва. Двадцать лѣтъ крѣпко измѣнили его. Изъ хилаго, нѣжнаго ребенка онъ сдѣлался закаленнымъ кавказцемъ, сухаго, здороваго сложенія, а нужда развила въ немъ таланты, какихъ я въ немъ и не подозрѣвалъ.

— Кто тебя выучилъ всему этому? спросилъ я его.

Н—въ слегка сконфузился и молча мялъ салфетку въ рукахъ.

— А вы и прежде знакомы были другъ съ другомъ? спросила м—ше Ф*, замѣтивъ мою короткость.

— Мы родственники и товарищи еще по гимназіи, отвѣчалъ я, и вотъ, разставшись двадцать лѣтъ тому назадъ, еще школьниками, встрѣтились сегодня здѣсь....

— Вотъ что! Ну, очень радъ, сказалъ Ф*. Тѣмъ пріятнѣе должно быть вамъ встрѣтиться.

— Сколько лѣтъ.... тово.... вы не видѣлись? промолвилъ Г—ій, молчавшій все время.—Какъ вы.... тово, сказали?

— Около двадцати лѣтъ, съ сорокъ седьмого года.

— Гдѣ, тово, вы тогда были?

— Въ Харьковѣ?

— Благодарю. И онъ снова погрузился въ молчаніе, вѣроятно затверживая данныя для своихъ записокъ.

Послѣ обѣда мы вернулись къ Н—ву. Г—ій тотчасъ же перешелъ къ какому-то знакомому медику. Походъ на слѣдующій день назначался педдинный, и потому никакихъ особенныхъ сборовъ и укладовъ не предстояло, и мы съ Н—мъ могли провести остальную часть дня въ разсказахъ о нашемъ житѣ бытѣ, въ широкой промежутокъ двадцатилѣтней разлуки. Много трудовъ, нужды и горя выпало на его долю въ теченіе его службы юнкеромъ и субалтеръ—офицеромъ; за то и выработалась изъ него личность, небоящаяся никакого труда, трезвая, смѣтливая и скромная, человекъ дѣла, а не фразы. Онъ былъ въ то время уже нѣсколько лѣтъ ротнымъ командиромъ и любимцемъ офицеровъ и солдатъ. Привычка прикрѣпилъ его вполне къ Кав-

казу, и онъ смотрѣлъ на него какъ на родню. Постоянная штаб-квартира баталіона въ Хамышахъ дала ему въ послѣдніе годы возможность порядочно устроиться и завести хозяйство; онъ вполне доволенъ былъ своею участію и, не лаская себя честолюбивыми надеждами на генеральскіе эполеты, мечталъ скорѣе жениться и жить счастливо въ своемъ собственномъ домикѣ. Я всматривался въ него и вслушивался въ его рассказы, полные правды и нечуждые боевой поэзіи. Н—въ представлялъ собою типъ особенный, чего-то средняго между Максимами Максимычами ермоловскихъ временъ и послѣднимъ, молодымъ поколѣніемъ кавказскихъ служакъ. Какъ у первыхъ, у него сохранилась почти дѣтская теплота души, уцѣлѣвшая во всѣхъ тяжелыхъ столкновеніяхъ съ жизнью, таже любовь и благоговѣніе къ службѣ, но проглядывалъ и скептицизмъ.

Я собирался уже спать, когда вошелъ одинъ изъ проводниковъ моихъ, Хагоджіевъ, и кое-какъ, больше пантомимой, объяснилъ, что его товарищъ, Биданововъ, боленъ и лежитъ. Новость эта была не изъ пріятныхъ, представляя новое препятствіе моему путешествію, и безъ того полному всякихъ задержекъ. Н—въ успокоилъ меня, объявивъ, что верховья рѣкъ Бѣлой и Курджиса (впадаетъ въ Бѣлую) ему извѣстны вполне, и можно будетъ нѣсколько дней обойтись безъ проводниковъ, а тѣмъ временемъ и большой можетъ выздороветь. — Впрочемъ, прибавилъ онъ, если ты хочешь выйти долиною Гузерицка къ Курджису, такъ придется долго прождать, пока тамъ снѣга растаятъ; зима въ этомъ году была снѣжная.

Отпустивъ Хагоджіева, я поручилъ ему передать своему товарищу, что завтра приведу къ нему гакима (доктора), и скоро заснулъ.

Полутру, когда я всталъ, Н—ва не было дома. Онъ давно уже былъ въ ротѣ. Я поспѣшилъ одѣться, чтобы пойти навѣстить больного. Выйдя изъ дома, я встрѣтилъ Н—ва въ сопровожденіи другаго мужчины въ лекарской формѣ.

— А я къ тебѣ вотъ съ Шерстовымъ шель: зять мой, и тоже Григоріемъ зовутъ.

— Григорій Петровичъ Шерстовъ, отрекомендовался послѣдній, пожимая мнѣ руку; хамышейскій эскулапъ и кутила-мученикъ, женатъ на хохлушѣ, и потому бью баглуши....

— Ну, ужъ и пошелъ врать-то, съ упрекомъ отнесся Н—въ къ словоохотливому лекарю; не можешь?

— Да ты пойми, братецъ, продолжалъ тотъ: что я такое? врачъ? Ну, значить, и долженъ врать.

— Тогда-бы ты былъ врагемъ, а не врачомъ.

Почтенный Григорій Петровичъ, что называется, слегка закусилъ; меня немножко удивляла только ранняя пора его веселости.

Я объяснилъ, что иду взглянуть на больного проводника, нуждавшагося, по всей вѣроятности, въ медицинскую помощи.

— Ну, вотъ и отлично, объявилъ Шерстовъ, я тоже съ вами. Гриша, двигаемъ! обратился онъ къ Н—ву.—Вы не смотрите, прибавилъ онъ мнѣ, что я раздавивши; я по пословицѣ: «и пьянъ, да уменъ».... Пойдемте!

Мы нашли больного въ просторной избѣ. Онъ лежалъ на буркѣ и слегка покрывалъ. Похудѣвшее лицо его выражало сильное страданіе. Онъ жаловался на правую ногу, раненую, много лѣтъ прежде, русскою пулею. Шерстовъ обнажилъ больное мѣсто и принялся за осмотръ.

— У него ревматизмъ, сказалъ онъ, указывая на небольшой наростъ на кости ниже колѣна. Я пришлю ему спирту: пусть разотретъ ногу; черезъ нѣсколько дней онъ навѣрное поправится. Горечь приложилъ руку ко лбу, въ знакъ благодарности.

Мы возвратились домой. Шерстовъ проворно настроилъ рецептъ и отправилъ въ баталіонную аптеку; затѣмъ снова рассыпался въ шуткахъ и островахъ. Скоро пришелъ и Г—ій, въ длинныхъ сапогахъ и съ выраженіемъ большой задумчивости на лицѣ. Онъ уже готовъ былъ къ отправленію въ походъ. Пока мы пили чай, подошла и команда наша и расположилась на дворѣ. Мы съ Н—мъ поспѣшили тоже облачиться въ походные костюмы, и отправили унтеръ-офицера къ Ф. спросить, когда ему угодно будетъ выступить.

Посланный вернулся и объявилъ, что полковникъ проситъ пожаловать закусить. Было еще слишкомъ рано для завтрака, но отказываться отъ хлѣба-соли, въ первую пору знакомства, не приходилось: мы пошли.

Ф. занятъ былъ отдачей какихъ-то приказаній баталіонному адъютанту. Его полная фигура была обтянута сюртукомъ. Онъ былъ при шашкѣ и въ большихъ сапогахъ.

— А, здравствуйте, господа, привѣтливо встрѣтилъ онъ насъ.—Я тоже, какъ видите, готовъ; вотъ только закусимте немного и поѣдемъ. Пойдемте господа.

Въ столовой мы застали Лизавету Гавриловну, хлопотавшую около стола, сплошь заставленного всевозможными солеными лакомствами. Тутъ были и балыки, и сыры, и окорока, и пастеты, и кефаль въ нѣсколькихъ видахъ. Бъ сожалѣнію, непривычка къ раннимъ завтракамъ и недавно оконченный чай не позволили мнѣ сдѣлать должную

честь роскошному угощенію. Хозяева, видимо, недовольны были моими воздержаніемъ.

— Эти штабные офицеры Богъ знаетъ чѣмъ живы, говорилъ Афанасій Афанасьевичъ, принимаясь за кефальную икру. — Если бы меня на такую діету посадить, такъ я бы высохъ какъ спичка.

— И хорошо было бы, замѣтила Лизавета Гавриловна, а то смотри какъ растолстѣлъ.

— Что же, душечка, это и хорошо. Развѣ лучше быть такимъ худымъ какъ капитанъ, или ты, напримѣръ? Всякій, кто ни посмотритъ, непремѣнно подумаетъ, что тебя три дня не кормили, и уваженія къ тебѣ не почувствуетъ. Да въ нѣкоторыхъ чинахъ оно и необходимо таки—имѣть представительную фигуру. И онъ самодовольно взглянулъ сначала на свои штаб—офицерскіе погоны, а потомъ на объемистую, выпуклую грудь.

— Ну, вотъ теперь, и въ походъ! сказалъ Ф., подымаясь изъ за стола. Григорій Дмитричъ, ваша команда можетъ двигаться. Взятые—ли инструменты на случай поправки дороги?

— Взятые—съ, отвѣтилъ тотъ на ходу, направляясь къ дверямъ. Черезъ нѣсколько минутъ небольшая группа всадниковъ, состоявшая изъ полковника, Н—ва, доктора, меня и проводниковъ, двигалась колесною дорогою, вверхъ по лѣвому берегу рѣки Бѣлой. Ф. ѣхалъ на массивномъ кабардинскомъ иноходцѣ, плавно выступавшемъ подъ тяжелою ношею. Докторъ сидѣлъ на крошечномъ ворономъ хакучинцѣ, и его длинныя ноги чуть не касались земли.

Дорога въ верховья рѣки Бѣлой идетъ сначала лѣвымъ ея берегомъ, на протяженіи 6 или 7 верстъ, до впаденія въ нее р. Гузерицки; затѣмъ тянется еще версты четыре лѣвымъ берегомъ посажденей, послѣ чего изъ колесной дѣлается вьючною и не совсѣмъ безопасною тропюю. День былъ ясный. Мы ѣхали тихо. Ущелье съ каждымъ шагомъ становилось все тѣснѣе и тѣснѣе. Исполинскія ели, въ шесть, семь обхватовъ толщиною, стройныя какъ тополи, высились по обѣ его стороны, какъ колонны фантастическаго храма. Подъ ногами нашими клокотала Бѣлая.

Хороши такія мѣста, но не нравятся они мнѣ. Жутко становится на душѣ жителю привольныхъ степей въ этихъ темныхъ, сырыхъ и тѣсныхъ трущобахъ, мрачныхъ какъ гробъ. Некуда кинуть взгляда: вправо—стѣна, влѣво—тоже, кругомъ—сумракъ дремучаго, молчаливаго лѣса. Чувствуется какой—то гнетъ окружающей природы, какое—то сиротство и безпомощность. Не любятъ такихъ мѣстъ и солдаты наши. Неразъ доводилось мнѣ слышать отъ нихъ: «въ

этой щели только лѣшему и жить, потому тутъ и земли тамъ вовсе-что-нѣту».

До Гузерипля мы доѣхали безпрепятственно, если не считать двѣ, три осыпи, задержавшія насъ по нѣскольку минутъ. По дорогѣ мы полюбовались устьемъ рѣки Кишу (*), впадающей въ Бѣлую версты три ниже Гузерипля. Съ плескомъ и грохотомъ несетъ она черезъ скалистыя отвѣсныя ворота свои пѣнистыя струи. Мелкія брызги сбѣгаютъ туманомъ къ обѣимъ ея берегамъ и отливаютъ радугой на, прорвавшемся сквозъ темную чащу елей, солнечномъ лучѣ. Ущелье Кишу показалось мнѣ еще диче и недоступнѣе ущелья рѣки Бѣлой. Оно было очень мало изслѣдовано нашими отрядами въ минувшую войну, и представляло, по рассказамъ горцевъ, своею замкнутостью и мпожествомъ угодій, большія удобства для укрывательства хищниковъ.

У устья Гузерипля дорога превратилась въ очень плохую тропишку. Нѣсколько разъ слѣзали мы съ лошадей и заставляли ихъ перепрыгивать черезъ осыпи и промоины, а сами, кое-какъ цѣпляясь руками и ногами за что попало, ползли горою. Только одинъ Г—ій, съ чисто-философскимъ равнодушіемъ, продолжалъ сидѣть на своей лошади. Мы нѣсколько разъ предупреждали его объ опасности и убѣждали слѣзть, но онъ отказывался, увѣряя, что, по близорукости своей и слабости, еще скорѣе можетъ попасть въ бѣду пѣшій. Тучный Ф. преодолевая препятствія, при помощи двухъ проворныхъ стрѣлковъ, поддерживавшихъ его въ опасныхъ мѣстахъ подъ руки. Версты пять прошли мы такимъ образомъ, пока не выбрались къ небольшой, низменной полянѣ, при впадении въ Гузерипль какаго-то ручейка. Здѣсь стоялъ гузерипльскій постъ, выстроенный изъ толстыхъ бревенъ, наподобіе блокгауза. Отсюда дорога должна была круто загнуться вправо, но осеннія воды уничтожили всѣ ея признаки. Въ командѣ нашей были люди, бывавшіе на полянѣ Тлиплъ-Кишъ, и мы отправили ихъ, съ половиной остальныхъ и со всѣмъ шанцевымъ инструментомъ, отыскать потерянную дорогу, или хоть слѣдъ ея, а сами сдѣлали приваль у поста.

Полчаса спустя, люди наши вернулись и объявили, что дорогу совершенно смыло въ рѣку, и пробраться въ Тлиплъ-Кишъ нѣтъ никакой возможности. Мы повернули назадъ. Несмотря на небольшое разстояніе, которое мы прошли, трудность дороги заняла много

(*) На картѣ рѣка Чегсъ. У горцевъ же она была извѣстна подъ именемъ Кишу, почему и у жителей Хамышниковъ сохранила то же названіе. Я придерживаюсь его, какъ болѣе извѣстнаго и употребительнаго въ той мѣстности.

времени, и мы начали наше обратное движеніе за-полдень, спѣша выбраться на колесную дорогу, прежде чѣмъ настануть сумерки. Всѣ мы шли пѣшкомъ, за исключеніемъ Г—го, довѣрившагося вполне своей лошади. Ловкость, съ какою умное животное везло нашего историографа, была истинно изумительна: она ошупывала каждый шагъ и боязливо фыркала на всякій камень или на подубоженный древесный корень. Г—ій, плохой наѣздникъ, вмѣсто того, чтобы помогать ей сохранять равновѣсіе, нагибаясь впередъ при подъемѣ на гору и откидываясь назадъ при спускѣ, дѣлалъ совершенно наоборотъ и намъ по временамъ становилось за него страшно. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ дорога осунулась въ рѣку, оставивъ обрывъ аршина на два шириною, я крикнулъ, чтобы онъ слѣзъ, и хотѣлъ помочь ему перебраться, но, прежде чѣмъ онъ собрался отвѣтить, опасность уже миновала: однимъ случаемъ маленькій конь его перенесся на другую сторону пропасти.

Вечерѣло, когда мы выбрались изъ тѣснины и передъ нами привѣтливо заблестѣли хамышейскіе огоньки. Кони наши привѣтствовали близость жалья радостнымъ ржаніемъ. Намъ самимъ веселѣе дышалось въ широкой долинѣ. Мы пустили лошадей рысью, и черезъ нѣсколько минутъ подѣхали къ опрятному домику Н—ва. Скоро пришелъ и Шерстовъ, веселый какъ и поутру, и объявилъ, что проводнику моему хуже, и что онъ едва-ли скоро станетъ на ноги, такъ какъ у него обнаружилась сильная лихорадка.

Чтобы не засиживаться безъ пользы въ Хамышкахъ, я рѣшилъ отправить другаго проводника въ станцію Лабинскую, и просить новыхъ проводниковъ, знающихъ русскій языкъ; въ отсутствіе же ихъ попробовать пробраться, съ помощью Н—ва, въ верховья рѣки Курджиуса (впадаетъ слѣва въ рѣку Бѣлую, близъ Майкопа) на урочище Лугонаки, составляющее часть высокой плоской террасы Ногай-Хошхъ (по-черкески—Ногайская плоскость), отдѣляющейся къ сѣверо-востоку отъ огромнаго Оптень-Фиштскаго горнаго массива. Изслѣдованіе этой мѣстности было особенно важно, такъ какъ черезъ Лугонаки шла дорога на переваль Шатлибъ (Бѣлорѣченскій), которымъ можно было выйти въ верховья рѣки Шахе на южномъ склонѣ, гдѣ еще держались остатки ханучинскаго племени.

Послѣ обѣда я написалъ начальнику Лабинскаго округа о высылкѣ проводниковъ и отправилъ къ нему Хагоджіева. Оставалось обождать еще сутки въ Хамышкахъ, чтобы дать ему время пріѣхать въ станцію Лабинскую. Новымъ проводникамъ я назначилъ прибыть черезъ два дня на рѣку Мезмай, къ горскимъ мостамъ, отстоящимъ

отъ Хамышковъ на 1¹/₂ дня пѣшаго и отъ станицы Лабинской на 2¹/₂ дня коннаго пути.

II.

Новые проводники: Семечъ Гаушевъ и Натырбовъ.—Дамжскій перевалъ, Лугонки и верховье рѣки Курджиса.—Урочище Псечекъ.—Долина Мозма и новый способъ ловли воробей.—Полина Гуама, нижнее теченіе р. Цеде.—Станица Самурская; бытъ казаковъ въ новыхъ закубанскихъ станицахъ.—Слухъ о серебряной рудѣ.

Еще день провелъ я въ Хамышахъ, крѣпко досадуя на постоянныя непредвидѣнныя задержки, встрѣчавшіяся съ первыхъ же дней командировки моей. Н—въ развлекалъ меня какъ могъ и обѣщалъ хорошую погоду на цѣлый мѣсяцъ, основывая свои предсказанія на какихъ-то особыхъ примѣтахъ, сохраненныхъ имъ въ секретъ; Ф* и его почтенная супруга старались меня закормить, но все это мало дѣйствовало, и я съ нетерпѣніемъ ждалъ выступления. На бѣду, Г—ій атаковалъ меня своими вопросами, и цѣлое утро заносилъ отвѣты въ тетрадку. Онъ спрашивалъ рѣшительно обо всемъ: когда основаны были Хамыши? кто командовалъ тогда отрядомъ? какъ его звали? былъ-ли онъ женатъ или холостъ?... Все находило мѣсто въ его запискахъ. Подъ конецъ допроса, Н—въ серьезно увѣрилъ его, что у Гузерипльскаго поста растетъ много малины, тогда какъ тамъ ея не было ни кустика: Г—ій занесъ и это свѣдѣніе въ свой журналъ. Я не знаю, долго-ли тянулась бы эта нитка, если бы меня не выручалъ приходъ Шерстова. Онъ забросалъ Г—го, въ свою очередь, вопросами самаго разнообразнаго свойства, перешелъ потомъ къ способамъ леченія лихорадки и, наконецъ, повлекъ его въ лазаретъ, показывать какой-то рѣдкій образецъ этого рода болѣзни. Мы съ Н—мъ воспользовались тѣмъ временемъ, ушли къ Ф* и остались у него до вечера. Г—ій, хотя тоже пришелъ къ обѣду, но пробылъ недолго и отъ распросовъ воздержался.

Вечеромъ я обошелъ отъ скуки Хамыши, познакомился на прогулкѣ съ двумя, тремя офицерами баталіона, слушалъ хоръ доморощеновой музыки, игравшей передъ домомъ Ф*, по случаю какого-то праздника и, порядочно утомленный, легъ спать, въ ожиданіи на другой день ранняго выступления.

На слѣдующее утро меня разбудила возня въ комнатѣ. Это Н—въ, вмѣстѣ съ дельщикомъ своимъ, рыжеволосымъ сыномъ Израиля, укладывалъ вещи во въчные чемоданы. На столѣ горѣла свѣча; въ открытыя ставни пробивался свѣтъ.

Пока я одѣвался, ударили зорю и Хамышки пробудились.

Черезъ полчаса собралась наша команда и вьюки. Одного Г—го не было; онъ на этотъ разъ измѣнилъ своей пунктуальности и почему-то замѣшкался. Уже солнце показалось изъ-за окружающихъ Хамышки высотъ, когда пришелъ отъ Ф* вѣстовой, съ приглашеніемъ на закуску. Мы послали его отыскивать Г—го, а сами пошли къ полковнику. Но и на этотъ разъ, съ непривычки къ беспорядочной ѣдѣ и отъ нетерпѣнія, съ какими я ждалъ выступленія, я едва могъ принудить себя проглотить нѣсколько кусковъ. Ни ѣда, ни разговоры какъ-то не клеились. Ф* замѣтилъ это и, вскорѣ по приходѣ Г—го, приказалъ Н—ву выступить. Мы сѣли на лошадей и отправились въ путь.

Урочище и штабъ-квартира Хамышки лежитъ, какъ я уже сказалъ, въ глубокой котловинѣ, на лѣвомъ берегу рѣки Бѣлой. Въ нѣсколькихъ стахъ саженьхъ, за оградой бывшаго укрѣпленія, впадаетъ слѣва же въ Бѣлую рѣчка Хамышейка, вытекающая изъ западной гряды лѣсистыхъ, окружающихъ котловину горъ. Почти параллельно ей, верстахъ въ двухъ сѣвернѣе, течетъ рѣчка Дзыхъ, названная на картѣ Азишъ, берущая начало свое подъ довольно высокимъ переваломъ того же имени, составляющимъ первую крупную ступень подъема къ Лугонагамъ и Ногаи-Хошхъ. При малой длинѣ своей, Дзыхъ имѣетъ, однако, множество притоковъ, выбѣгающихъ изъ расщелинъ высокого хребта, отдѣляющаго систему Бурджипса отъ системы Бѣлой и имѣющаго направленіе на сѣверо-востокъ. Ближе къ Хамышкамъ отроги его, сравнительно, пологи, и представляютъ больше удобствъ для движенія. Дорога, проложенная черезъ нихъ къ перевалу, сначала довольно хороша и возможна даже для ѣзды на колесахъ, хотя подъ этими словами не слѣдуетъ разумѣть что-нибудь похожее на ѣзду даже по самой плохой великорусской проселочной дорогѣ: такіа дороги въ горной полосѣ Кавказа роскошь, которую хвастаютъ. Подъ колесной дорогой въ этихъ мѣстахъ слѣдуетъ понимать такую, по которой на быкахъ, а въ трудныхъ мѣстахъ и не безъ помощи людей, можно провезть тяжести, напримѣръ ротные котлы, провіантъ и т. д. На случай ломки осей, всегда имѣются въ командѣ топоры, лѣсу кругомъ вдоволь, запасныя колеса воятся съ собою, и дорога несетъ государственную службу исправно.

Мы выступили въ десятомъ часу. День былъ теплый, солнечный, Переправясь черезъ Хамышейку, мы начали подъемъ на ближайшіе уступы хребта, изрѣзанные притоками рѣки Дзыхъ. Яркая зелень травы покрывала уже сосѣднія съ Хамышками низкія безлѣсныя те-

расы. Дорога мѣстами была такъ широка, что позволяла ѣхать всѣмъ намъ рядомъ. Скоро мы обогнали нашу команду и въюжи и продолжали путь впереди послѣднихъ. Докторъ Г—ій съ любопытствомъ оглядывался по сторонамъ, частенько нагибаясь, чтобы сорвать вѣтку куста, привлекавшаго почему-либо его вниманіе; иногда соскакивалъ съ сѣдла и копошился въ травѣ, отыскивая въ ней диковинки. Онъ такъ увлекся, наконецъ, своимъ занятіемъ, что забылъ о насъ, и скоро совершенно отсталъ. Замѣтивъ его отсутствіе, мы остановились подъ высокой, развѣистой яблоней, одиноко выросшей надъ перебѣгавшимъ нашу дорогу ручьемъ, и стали его поджидать. Прошло полчаса, потомъ другіе еще полчаса; уже и растянувшаяся команда наша, обогнавъ насъ, скрылась въ погустѣвшихъ, по мѣрѣ подъема нашего, пролѣсахъ, а Егора Петровича все нѣтъ, какъ нѣтъ. Наскучивъ ждать, Ф* послалъ за нимъ коннаго фурштата. Посланный скоро вернулся и доложилъ, что сейчасъ будутъ.

— Что онъ тамъ дѣлаетъ? съ нетерпѣніемъ спросилъ Афанасій Афанасьевичъ.

— Записываютъ что-то, отвѣтилъ фурштатъ.

— Ну, вотъ, нашелъ время; проворчалъ Ф*, недовольный остановкою.

Скоро показалась вдали и фигура Г—го, на лошади. Онъ медленно подвигался къ намъ, побалтывая въ воздухѣ длинными, висѣвшими почти до земли, ногами; въ рукахъ у него виднѣлся цѣлый кустъ растеній. Напрасно махали мы съ Н—мъ руками, приглашая ѣхать скорѣе; онъ продолжалъ подвигаться тѣмъ же шагомъ, не смущаясь нашей мимикой.

— Что это съ вами случилось, докторъ? спросилъ Ф*, когда, наконецъ, онъ поравнялся съ нами.

— Ничего.... тово.... вотъ набралъ разныхъ.... тово.... растеній... бормоталъ Егоръ Петровичъ, моргая глазками, не безъ нѣкотораго смущенія;—вотъ... тово.... рѣдкое растеніе: «согона саусазиса», и онъ показалъ намъ кустъ желто-зеленоватыхъ растеній, формою похожихъ на макъ, у которыхъ и цвѣтотъ, и стебель были совершенно одинаковаго цвѣта, а вотъ это.... тово....

— Да вѣдь вы записывали тамъ что-то?

— Гмъ.... тово.... да.... для памяти занесъ.... тово.... частилъ онъ, приходя еще въ большее смущеніе.

Мы тронулись рысью и нагнали нашу команду при вѣздѣ въ рѣдкій еловый лѣсокъ. Чѣмъ дальше подвигались мы, тѣмъ гуще становился лѣсъ и хуже дорога. Глинистая почва, размокшая отъ

снѣговыхъ ручьевъ, сдѣлалась вязкою; огромныя сваленныя деревья заставляли часто прибѣгать къ помощи людей и топоровъ для того, чтобы или стаскивать ихъ въ сторону, или очищать отъ вѣтвей, торчавшихъ ежемъ и мѣшавшихъ вьючнымъ лошадямъ переступить черезъ ихъ стволы. Подъ однимъ изъ такихъ деревьевъ я замѣтилъ нѣсколько овальныхъ ямъ, наполненныхъ водою.

— Что это такое? спросилъ я Н—ва.

— Это дикія свиньи купались; тутъ ихъ множество.... Да и недавно еще, должно быть, добавилъ онъ, приглядываясь: вотъ посмотри, сколько свѣжихъ слѣдовъ. Жаль, что поздно выступили, а то можно было бы къ вечеру на шашлыкъ свининки добыть. Впрочемъ, этого добра будетъ еще довольно.

Со мною было ружье, и соблазнъ дать пару выстрѣловъ по кабанамъ—дичи, столь рѣдной у насъ въ Россіи—былъ великъ; но намекъ Н—ва на необходимость безостановочнаго движенія не позволялъ увлекаться пустяками въ виду дѣла.

Чѣмъ выше мы подымались, тѣмъ, несмотря на близость полудня, становилось холоднѣе. Продолжительныхъ приваловъ мы не дѣлали и двигались безостановочно, давая людямъ черезъ каждые два часа небольшой отдыхъ. По мѣрѣ приближенія къ истокамъ рѣки Дзыхъ, горы становились круче, сохраняя попрежнему свой лѣсистый характеръ. Деревья, сплошь ель, достигаютъ здѣсь огромной высоты и годны не только для обыкновенныхъ построекъ, но и для кораблестроенія. Вывозъ ихъ на плоскость не представлялъ бы особенныхъ затрудненій: стоило бы только разработать версть шесть—семь дороги отъ Лугоназовъ къ Хамышкамъ, въ мягкомъ глинистомъ грунтѣ, и можно было бы щедро снабжать лѣснымъ матеріаломъ не только бѣдныя имъ низовья Кубани, но и степныя части Крыма, Новороссійскаго края и войска Донскаго. Для этого достаточно было бы довести бревна сухопутьемъ до Майкопа и спускать далѣе по рѣкамъ Бѣлой и Кубани плотами.

Ел сумеркамъ окончили мы подъемъ, и черезъ небольшую сѣдловину, изъ которой вытекаютъ, съ одной стороны, рѣка Дзыхъ, а съ другой верхніе притоки Курджипса, вѣхали на плоскогорье, покрытое еще снѣгомъ. Здѣсь кончался уже лѣсъ, и открывалась слегка всхолмленная, безлѣсная поляна, покрытая снѣгомъ, мѣстами стаявшимъ. Мы стали бивуакомъ въ сѣдловинѣ, у опушки лѣса, чтобы защититься сколько—нибудь отъ холоднаго вѣтра, не беспокоившаго насъ, пока мы шли лѣсомъ и порядкомъ здѣсь разгуливавшегося. Слегка морозило. Солдаты проворно распорядились набрать

валежнику, и не успѣли еще вьюги и отсталые подтянуться къ намъ, какъ съ подюжины костровъ уже запылали, отражаясь красноватымъ отблескомъ въ снѣжныхъ сугробахъ. Скоро палатка наша была готова; семи-часовая ѣзда и морозецъ порядочно раздражили нашъ аппетитъ, и мы съ нетерпѣніемъ поглядывали то на походный самоваръ, то на котелки, подвѣшенные на жердахъ и ввзпуски шипѣвшіе у костра. Ф* былъ молчаливъ попрежнему, что, по мнѣнію Н—ва, основанному на долгомъ служебномъ опытѣ, было дурнымъ признакомъ настоящаго, но обѣщало въ будущемъ хорошее расположеніе духа, такъ какъ прежде всего выражало аппетитъ. Г—ій подремывалъ. Я собирался поправить въ глазахъ Ф* дурную репутацію, приобретенную въ Хамышкахъ, скромными размѣрами моего желудка. Только что успѣлись мы около походнаго столика и занялись чаемъ, какъ изъ лѣсу выѣхали два всадника и, поровнявшись съ нами, соскочили съ лошадей. Одинъ изъ нихъ приложилъ руку ко лбу, потомъ вынулъ изъ-за пазухи конвертъ и подалъ его Ф*. Это оказались наши новые проводники. Я расчлывалъ на ихъ пріѣздъ никакъ не ранѣе слѣдующаго утра, и побаивался, чтобы они, опоздавъ, не задержали насъ въ этой негостепріимной мѣстности. Прібытіе ихъ развязывало намъ руки для дальнѣйшаго движенія, и я тотчасъ же принялся за распросъ ихъ о дорогахъ.

Одинъ изъ прибывшихъ горцевъ, Натырбовъ, былъ дворянинъ и владѣлецъ порядочнаго аула въ одномъ изъ горскихъ округовъ; былъ молодъ, хорошъ собою, украшенъ георгіевскимъ крестомъ и очень порядочно объяснялся по-русски, но мѣстность зналъ плохо; другой, Селмень Гаушевъ—родомъ хакучь, т. е. изъ того разбойничьяго племени, которое жило въ самыхъ недоступныхъ тущобахъ горъ, исповѣдывало какую-то смѣсь магометанской религіи съ христіанскими и языческими обрядами, промышляло разбоемъ, не дѣлая никакого различія между русскими и горцами и пользовалось самою ожесточенною ненавистью послѣднихъ. На видъ ему было лѣтъ около сорока. Наружность его, блескъ свѣтлозеленыхъ, бѣгающихъ глазъ и какое-то особенное, необыкновенно дикое выраженіе фізіономіи, дѣлало его какъ двѣ капли воды похожимъ на волка, несмотря на очевидную принадлежность къ человѣческому роду. Встрѣча съ такимъ молодцомъ въ лѣсу, одинъ на одинъ, не должна быть пріятна; но за то онъ зналъ всевозможныя дороги и лазы въ горахъ, и дорогою былъ намъ особенно полезенъ. Я не могъ не замѣтить нѣкотораго пренебреженія, съ какимъ относился къ нему щеголеватый Натырбовъ, и, какъ только Гаушевъ отошелъ,

чтобы позаботиться объ лошадяхъ, я спросилъ его о причинахъ такихъ отношеній къ товарищу.

— Онъ какучъ, отвѣчалъ послѣдній, презрительно пожавъ плечами, и плюнуть въ сторону.

Съ помощью Натырбова, служившаго мнѣ переводчикомъ, я узналъ отъ Гуашева, что отъ верховья рѣки Двухъ можно пробраться черезъ переваль Шатлибъ до верховья рѣки Шахе, при хорошемъ состояніи дорогъ, въ одинъ долгій лѣтній день; но что для этого необходимо было слѣдовать черезъ плоскость Лугонали, покрытую еще снѣгомъ и подверженную, въ это время года (мы выступили 10-го апрѣля), даже мятелинь. Онъ прибавлялъ, что существуетъ пѣшая тропа, которою можно пробраться южнее горы Оштена въ верховья рѣки Пшехи, разумеется при условіяхъ хорошей погоды и дорогъ.

Необходимость занять столь важный узелъ горныхъ тропъ военнымъ поселкомъ была слышкомъ очевидна, и потому я хотѣлъ, на слѣдующее же утро, осмотрѣть мѣстность въ истокахъ Курджипса, и выбрать удобную для помѣщенія тамъ роты. Отпустивъ проводникамъ нѣсколько похваля за ихъ молодецкій переѣздъ (изъ станицы Лабинской въ одинъ сутки, что составляетъ около 120 верстѣ), я возвратился къ Ф*. Онъ разсказывалъ Г—му и Н—ву исторію занятія десантомъ одного изъ береговыхъ пунктовъ черноморской линіи, причемъ захвачены были у горцевъ орудія. Экспедиція эта совершена была подъ командою бывшаго начальника праваго фланга, генерала Ф—на, а отнятіе пушекъ даже въ его глазахъ.

— Ну, что? распреслили? обратился онъ ко мнѣ.

— Распреслилъ, но не вложилъ еще; пусть отдохнуть съ дороги; утро вечера мудренѣе.

— Правда ваша. Но все-таки, куда и по какому направленію вы завтра выступить?

— Этого я и самъ еще не знаю: надобно осмотрѣться поутру, и если найдется по близости, верстахъ въ двухъ-трехъ, удобная мѣстность, оставить на ней одну роту.

— Ай, ай! Что такое? Въ такую-то трущобу? Да вы здѣсь всѣхъ людей у меня переморозите. Что вы?..

— Да здѣсь мы и не оставимъ людей вашихъ, а поместимъ мѣстечка получше, но неподалеку. Здѣсь вѣдь узелъ дорогъ, ведущихъ и на южный склонъ, и въ долину Пшехи, и къ Хамышнамъ; оставить его незащатымъ нельзя, и, конечно, если бы тутъ было больше хозяйственныхъ удобствъ, то лучшаго пункта и искать нечего.

— А, такъ вотъ оно что! уныло промолвилъ Афанасій Афанасьевъ.

вичъ:—нѣтъ, пожалуйста, я васъ прошу: не ставьте на такихъ мѣстахъ моихъ ротъ, сдѣлайте одолженіе!...

Я старался увѣрить его, какъ только умѣлъ, что мнѣ и въ голову не приходило селить солдатъ на перевалахъ; но онъ все какъ-то испуганно-вопросительно поглядывалъ на меня, видимо не довѣряя моимъ словамъ.

— Вы, вотъ, офицеры штаба и чиновники для особыхъ порученій, вамъ вѣдь здѣсь жить не придется; вы выберете мѣсто, донесете, что хорошее; начальство утвердитъ, а каково-то бѣдному солдату? Вы о томъ не думаете: каково-то ему ноги таскать сюда, и за всякою бездѣлицею ходить въ Хамышки и обратно? Вы, вѣрно, никогда въ походахъ не бывали, солдатскихъ трудовъ не дѣлали и не видѣли; иначе вы и не подумали бы ставить солдата на такіа вышки....

Долго еще говорилъ Ф* о необходимости сожалѣнія къ солдату и къ армейскому фронтовому офицеру, о необходимости изученія ихъ быта и нуждъ. Я пробовалъ нѣсколько разъ прервать потокъ его краснорѣчія увѣреніемъ, что самъ считаю себя прежде всего солдатомъ и раздѣляю взглядъ на необходимость доставленія ему всевозможныхъ удобствъ, но напрасно: Ф* былъ неупорядоченъ. Легкій толчекъ ногою и взглядъ, брошенный Н—мъ, дали мнѣ понять, что мнѣ слѣдуетъ не мѣшать почтенному Афанасію Афанасьевичу изливать свои похвальные чувства и ограничиться только поддаиваніемъ. Я замоллъ.

Не знаю, какъ долго продолжалась бы еще его рѣчь, еслибы не звонъ стакана, въ который плюнулъ носомъ давно сладко дремавшій подъ его говоръ Г—ій.

Ф* немножко сконфузился. Г—ій смотрѣлъ на насъ еще не вполне пробудившись; мы съ Н—вымъ кусали губы, удерживаясь отъ смѣха.

— А что, готово ужинать? крикнулъ Ф., приподнявшись со стула и плюнувъ съ очевидной досадою въ костеръ, разложенный у палатки.

— Готово-съ! отвѣчалъ ему голосъ изъ темноты.

Мы съ Н—мъ тоже встали, чтобы, въ ожиданіи ужина, пройтись и поразмять утомленные ѣздою члены. Вѣтеръ стихъ. Изъ-за темной опушки лѣса выплылъ край мѣсяца и освѣтилъ нашъ бивуакъ. Длинная тѣнь лѣса падала на бѣлѣвшіе снѣжные сугробы и на группы возвышавшихся у костровъ солдатъ.

— А вѣдь сладко пѣлъ душа-соловушка! сказалъ Н—въ:—можно подумать, что и чистосердечно.

— А равнѣ нѣтъ?

Н—въ махнулъ рукою и крякнулъ.

— Не досадно было бы, если бы онъ еще только тебѣ одному эти сказки рассказывалъ, а то вѣдь при мѣѣ!... Точно и не помнить, что я восемь лѣтъ уже ротою командую и всѣ эти его проповѣди наизусть знаю. Туда же: солдатскія нужды должны быть священны!... А зачѣмъ же онъ отъ стрѣлковаго баталіона отказался, а лицейный ввязалъ? Не потому ли, что у насъ эти нужды несвященны? Нѣтъ братъ, шалишь! Тамъ помощники по хозяйственной части завелись.... Вотъ оно что!...

— Кушать пожалуйста—съ! раздался голосъ у меня за плечами.

Мы вернулись къ палаткѣ и уселись за ужинъ. Онъ прошелъ безъ особенностей: всѣ мы чувствовали усталость, какъ всегда въ началѣ похода, и потому были не особенно разговорчивы. Г—ій, сверхъ того, былъ смущенъ неудачнымъ приключеніемъ со стаканомъ, а Ф* не вполне удавшеюся проповѣдью. На бѣду еще и поваръ не совсѣмъ угождалъ тонкому вкусу Афанасія Афанасьевича. Послѣ ужина я и Н—въ, помѣщавшіеся въ одной палаткѣ съ докторомъ, сей часъ же улеглись; но Г—ій усѣлся на свою постель и принялся записывать достопримѣчательныя событія дня. Я уже совсѣмъ засыпалъ, когда легкій толчекъ разбудилъ меня.

— Иванъ Ивановичъ, а Иванъ Ивановичъ! вполголоса говорилъ докторъ.

— Что вамъ?

— Не помните ли: какъ зовутъ проводниковъ новыхъ?

— Натырбовъ и Солженъ Гуашевъ. Доброй ночи!

— Благодарю, я такъ, тово, и запишу....

Я уже заснулъ, какъ новый толчекъ разбудилъ меня. Возлѣ меня опять стоялъ докторъ.

— Не помните ли, въ которомъ часу мы выступили изъ Хамышниковъ?

— Въ половинѣ десятаго. Не мѣшайте спать: я больше отвѣчать не буду.

Не знаю, удовлетворился-ли Егоръ Петровичъ моими отвѣтами, только онъ уже меня больше не тревожилъ, и я проспалъ до утра, какъ спится послѣ похода, на свѣжемъ горномъ воздухѣ.

Мы поднялись съ зарею, и, оставя команду готовою къ высту-

пленію, поѣхали осмотрѣть окрестности нашего ночлега, чтобы поискать удобнаго для рогатаго двора клочка земли.

Перевалившись на другой склонъ непротой сѣдловины, мы очутились на лугонакской плоскости, возвышающейся постепенно къ югу и переходящей наконецъ въ высокое горное плато Ногай Хошхъ. Я объяснилъ Натырбову, что ищу мѣстечка пониже и теплѣе, гдѣ бы можно было съ удобствомъ поселить дворовъ сто, и гдѣ бы такой аулъ не нуждался ни въ пахотной землѣ; ни въ лѣсѣ, ни въ покосахъ и пастбищныхъ мѣстахъ. Онъ зацокалъ на своемъ непонятномъ языкѣ, обратясь къ Гуашеву, говорилъ ему что то болѣе получаса и перевелъ, что здѣсь горцы никогда не жили осѣдло, а только въ лѣтніе мѣсяцы пасли свои стада, что лѣтомъ пастбище здѣсь превосходное, вода хорошая и въ изобиліи, мухи и овода нѣтъ, но что даже въ концѣ августа бываютъ иногда снѣжныя мятели. Онъ прибавилъ, что для жилья надобно искать мѣстъ или на рѣкѣ Пшехѣ, или на Цеце, или на Курджисѣ, или, наконецъ, на Мезмаѣ.

Зная по картѣ, что ближе всего отъ нашихъ бивуаковъ была долина рѣки Курджиса, я спросилъ: нѣтъ ли въ верховьяхъ этой рѣки такой поляны?

Снова зацокалъ и засвисталъ Натырбовъ на нѣсколько минутъ. Я тѣмъ временемъ внимательно всматривался въ фізіономію Гуашева, который какъ-то шипѣлъ, пока его товарищъ переводилъ мой вопросъ, и наконецъ отчетливо произнесъ: «ды шебъ».

— Нѣтъ такого мѣста близко на Курджисѣ, отвѣтилъ Натырбовъ.

— А бывалъ онъ въ верховьяхъ этой рѣчки?

— Былъ, по только не отсюда.

— Нельзя-ли пройти по долинѣ Курджиса отсюда на плоскость?

— Нельзя.... Посмотрѣть ущелье Курджиса можно, а для того, чтобы выбраться на плоскость, надобно пройти на рѣку Мезмай.

Я предложилъ Ф* отправиться со мною взглянуть на верхнее теченіе Курджиса, и мы тронулись рысью, взявъ направленіе на западъ. Проѣхавъ съ полверсты, мы замѣтили, что Лугонаки, казавшіяся издали въ этомъ направленіи непрерывною плоскостью, раздѣляются не вдалекѣ большимъ и глубокимъ оврагомъ, котораго противоположный берегъ находится на одномъ горизонтѣ съ нашимъ. Склоны его, совершенно отвѣсныя, походили на огромную трещину, происшедшую отъ какого-то чудовищнаго катаклизма. Въ трещинѣ этой, сердито ворча, неся Курджисъ между обломками скалъ

и наносами валуновъ. Узкая лента его воды казалась несоотвѣтствующею размѣрамъ ущелья. Я снова спросилъ Гуашева, не хочется ли онъ попробовать спуститься внизъ и поискать тропинки, которою бы можно было и намъ спуститься взглянуть поближе на эту рѣку.

Тотъ долго разсказывалъ въ отвѣтъ на мои слова, переведенныя Натырбовымъ, и въ заключеніе проворчалъ: «хау, яххау».

— Нельзя, перевелъ Натырбовъ. Хотя дорогъ туда и нѣтъ, но спуститься можно бы пѣшкомъ, только теперь снѣгъ на Оштенѣ уже таетъ, бываютъ обвалы, а когда упадетъ хорошей обвалъ, то все ущелье иногда вдругъ наполняется водою такъ, что не успѣешь и выскочить. Горцы сами никогда сюда не ходили; рѣка здѣсь злая.

Изъ дальнѣйшихъ распросовъ я узналъ, что лучшимъ мѣстомъ для поселка проводники считали одно урочище на р. Мезмаѣ, гдѣ стояло прежде нѣсколько ауловъ, отъ которыхъ уцѣлѣли еще слѣды и сохранились три моста построенные горцами. До него былъ одинъ только большой переходъ, на которомъ первая половина дороги была плоха, а далѣе дѣлалась все лучше и лучше.

Не теряя времени, мы отправили Натырбова къ командѣ, съ приказаніемъ выступать на Мезмай, и посѣщили за нимъ на полныхъ рысяхъ.

Путь нашъ былъ вначалѣ тотъ же, по которому мы пришли накануне, но казался легче, потому что мы теперь слускались; затѣмъ, на пространствѣ восьми, девяти верстъ, отклонялся влѣво и шелъ черезъ лѣсистые отроги Дзыхскаго хребта, то ныряя въ ущелья, то подымаясь на гребни высотъ. Черезъ два часа мы выбрались наконецъ изъ сплошнаго лѣса; пройдя еще съ версту, очутились у подножія горы, усѣянной острыми гранитными и песчаниковыми обломками. Казалось, это были остатки какой-то исполинской каменоломни. Здѣсь Гуашевъ посоветовалъ намъ развьючить лошадей и вести ихъ въ рукахъ. Ф* съ неудовольствіемъ спросилъ: не хотать ли его вести на гору. Отвѣтъ, конечно, былъ утвердительный. Крѣпко поморщился при этомъ извѣстн Афанасій Афанасьевичъ; но нечего было дѣлать, такъ какъ обходъ, по слозамъ проводниковъ, потребовалъ бы нѣсколько часовъ лишняго пути.

Вьюки были сняты, и лошади, поддерживаемыя людьми, встачены на гору. Только одна изъ нихъ оборвалась у самого верха, но упала недалеко, на плоскую сторону скалы, и получила нѣсколько ссадинъ. Труднѣе всего было самому Ф*.; его увѣсистая особа потребовала поддержки двухъ дюжихъ солдатъ и, вѣроятно, послала не

одно крѣпкое словцо мнѣ и всей мало-мальски прикосновенной къ рекогносцировкѣ братин. Раза три садился онъ отдыхать и подъ конецъ, когда нужно было взобраться на уступъ аршина въ полтора вышиною, совершенно выбился изъ силы: понадобились еще двое людей, чтобы помочь ему вскарабкаться.

— Ну ужъ и дорога! сердито ворчалъ онъ. Охъ! уморили!... Чириковъ! Охъ!... закусить подай.

Пока расторопный Чириковъ занимался раскладкой закуски, мы съ Н—мъ пошли осмотрѣть гору, на которую съ такимъ трудомъ взбирались. Людямъ и лошадямъ, порядочно утомленнымъ, сдѣланъ былъ привалъ. Гора эта (*), съ той стороны откуда мы взлѣзли, имѣла видъ разорванной какою-то подземною силою. Острые, неправильные изломы известково-песчаныхъ и гранитныхъ камней ясно указывали, что въ разрушеніи этомъ вода не приняла участія, а двѣ-три небольшие конусообразныя воронки, усѣянныя по краямъ обломками скаль той же породы и формы, замѣченныя мною на плоской вершинѣ горы, невольно наводили на мысль о бывшемъ здѣсь когда-то вулканическомъ изверженіи (**). Пришлось пожалѣть о недостаточности своихъ познаній въ геологій и занести эту достопримѣчательность въ свой журналъ. Едва я занялся этимъ, какъ Г—ій, въ свою очередь, принялся записывать. Около него лежалъ порядочный запасъ собранныхъ уже имъ цвѣтовъ и растений. Наши занятія прерваны были приходомъ Чирикова, возвѣстившаго, что закуска готова.

— Благодарю.... тово.... буду.... сейчасъ, пропѣлъ Г—ій, не трогаясь съ мѣста.—Изанъ Ивановичъ! постойте.... тово.... виновать ... обратился онъ ко мнѣ, какъ это мѣсто зовутъ?

— Право, не знаю.

— Я напишу—неизвѣство....

— Напишите.

— Благодарю....

За закускою Афанасій Афанасьевичъ позабылъ неприятность труднаго подъема и разговорился. Скоро пришелъ и Г—ій, и принялъ участіе въ походной нашей трапезѣ, но съ такимъ разсѣяннымъ видомъ, какъ-будто и не подозрѣвалъ самъ что дѣлаетъ. Навьючивъ лошадей, мы тронулись вновь. Дорога здѣсь шла больше подъ-гору; спуски и

(*) Названія особеннаго она не имѣетъ ни на картѣ, ни у горцевъ, но на 5-ти верстную карту она нанесена.

(**) Подобныя же воронки замѣчены мною и при выходѣ на плоскость Лугонани.

подъезмы хотя и встрѣчались, однако были отлоги и позволяли намъ оставаться на сѣдлахъ. Ф* повеселѣлъ и рассказывалъ свою родословную, производя свою фамилію отъ нынѣшняго названія одной изъ мѣстностей Морем; затѣмъ увлекся до того, что чуть-ли не договорился до родства съ Ликургомъ, Сократомъ и Минисомъ Критскими.

Въ намъ подъѣхалъ Натырбовъ. Онъ спросилъ, не хотимъ ли мы взглянуть на лежащую невдалекѣ отъ нашей дороги лѣсную прогалину, черезъ которую идетъ и кратчайшая дорога изъ Хамышкovie къ Мезмаю. Я передалъ его предложеніе Ф* и Г—му; мы взяли нѣсколько вѣтви и поѣхали по направленію указанному проводниками. Черезъ полчаса мы выѣхали на обширную поляну, кое-гдѣ перерѣзанную неглубокими лощинами и рѣдкими рошицами. Она имѣла приблизительно около четырехъ верстъ длины и трехъ ширины и покрыта была высокою прошлогоднею травою. Въ лощинахъ, говорили проводники, текли прежде ключи отличной воды, но мы не нашли изъ нихъ ни одного: такъ искусно они были забыты горцами. Черешневые деревья, очень высокія, были всѣ вырублены, и ихъ темнокрасные, блестящіе стволы валялись на землѣ, рѣзко отгѣняясь на желтомъ фонѣ сухой травы, покрывавшей всю поляну. Слѣдовъ жилая мы нашли здѣсь очень мало. Поляна носила нѣсколько названій: Псечекъ, Чанмомъ и другія, и была главнымъ сѣнокосомъ жителей этой части горъ въ послѣднюю пору войны; но, по словамъ Гуашева, здѣсь бывали зимою сильныя морозы и мятели, почему горцы и предпочитали селиться въ долинахъ болѣе закрытыхъ и, слѣдовательно, болѣе теплыхъ.

Перерѣзавъ Псечекъ по направленію на сѣверо-западъ, мы вѣхали въ сплошной еловый лѣсъ, покрывающій все продолженіе его плоскости до самой долины Мезмая. Близкое сосѣдство большихъ черешневыхъ деревьевъ съ елью, растущею, какъ извѣстно, въ холодномъ климатѣ, меня удивило, и я обратился за объясненіемъ къ доктору, но онъ не могъ мнѣ объяснить такого страннаго сосѣдства.

Проѣхавъ версты три, мы выбрали на довольно широкую дорогу (проложенную еще горцами) изъ мезмайскихъ ауловъ въ Хамыши. Мы проѣхали ею, часамъ къ четыремъ вечера, къ спуску въ долину рѣки Мезмай.

Н—въ знакомъ былъ съ этою мѣстностью изъ прежнихъ походовъ, и потому, отправивъ Гуашева назадъ, за оставшею командою, мы поѣхали вмѣстѣ съ нимъ лѣвымъ берегомъ рѣки, къ пресловутымъ горскимъ мостикамъ.

Рѣка Мезмай течетъ почти прямою линіею съ востока на западъ въ отлогихъ берегахъ, покрытыхъ травою и зеленѣвшими, въ то время, деревьями, по большей части орѣшникомъ, липою, длинными яблонями и грушами. Удалявшія мѣстами саванн, огорожи и вснаханная поля доказывали, что населеніе здѣсь было густое и зажиточное. Глубина долины, по которой бѣжалъ, чистый какъ хрусталь, Мезмай, и широкій ей развалъ представляли всѣ удобства для поселенія, а отсутствіе лопуха, папоротника и другихъ луговыхъ и болотныхъ растений были признаками здороваго климата. Мы спустились къ тому мѣсту, гдѣ въ Мезмай впадаетъ съѣва небольшая рѣчка Гурмай. Нѣсколько ниже, мы увидѣли два моста въ полуторѣ или въ двухъ верстахъ одинъ отъ другаго. Съ виду они ничѣмъ не отличались отъ обыкновенныхъ нашихъ построекъ, и если бы не увѣренія Н—ва и Натырбова, то я счелъ бы ихъ за произведенія отечественныхъ инженеровъ. Самое ложе Мезмая—известнякъ, что, при богатствѣ въ лѣсѣ, могло бы дать возможность будущему населенію сдѣлать безъ выжиганія извести, которой здѣсь такое изобиліе, хорошій промыселъ. Подробный осмотръ этой прелестной долины убѣдилъ насъ, что ни въ хозяйственномъ, ни въ санитарномъ отношеніи она не ниже овоей репутаціи, составленной въ нашемъ мнѣніи по рассказамъ проводниковъ. Мы рѣшили поселить здѣсь роту и поручить ей наблюденіе за верховьями рѣки Курджица и за бѣлорѣченскимъ переваломъ (Шатлибъ).

Въ ожиданіи прибытія команды и вьюковъ, мы съѣзди съ лошадей и спустились къ рѣчкѣ. Ширина Мезмая въ ту пору была не болѣе двухъ сажень, мѣстами даже менѣе, а въ одномъ мѣстѣ, недалеко отъ мостовъ, такъ мала, что я безъ особеннаго труда перескочилъ черезъ него. Тѣмъ не менѣе Мезмай нивогда не пересыхаетъ, и вода его, несмотря на известковую примѣсь, вкуса и считалась у горцевъ здоровою.

Скоро слышались надъ нами голоса прибывшей команды. Застучали топоры, запылали огоньки. Черезъ полчаса на берегу Мезмая устались наши палатки и загорѣлся огромный костеръ. Не успѣли мы еще порядкомъ размять наши ноги, утомленные долгимъ сидѣніемъ на сѣдлѣ, какъ появился солдатъ, держа въ рукахъ нитку живыхъ крупныхъ форелей, напизанныхъ одна надъ другою подъ жабры.

— Не угодно-ли, ваше высокоблагородіе, рыбки покушать, хва-рели? обратился онъ къ полковнику.

— Ахъ, братецъ, спасибо! те, те, ге! какая славная форель!

зацонакаль онъ, апетитно поглядывая на лакомую рыбу. Гдѣ это ты успѣлъ ихъ столько наловить?

— А здѣсь, ваше высокоблагородіе, въ Мезмаѣ. Это самая хварельная рѣчка и есть.

— Да чѣмъ же ты это; неужели удочкой.... такъ скоро?...

— Никакъ нѣтъ—съ, ваше высокоблагородіе, руками—съ.

Полковникъ, повидящему, удовлетворился отвѣтомъ; но мнѣ нлюхо вѣрилось, чтобы такую крупную рыбу, какъ форель, да еще въ быстрой горной рѣчкѣ, можно было ловить руками. Я взглянулъ на Н—ва; онъ лукаво моргнулъ мнѣ и отошелъ въ сторону. Я пошелъ за нимъ.

— Знаешь, какъ солдаты рыбы наловить? спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— Ну, погоди, я тебѣ покажу новый способъ рыбу ловить; ты навѣрно объ немъ и не слыхала.

— А куда же вы?... погодите.... сейчасъ чай дадутъ, господа! прикинутъ намъ вслѣдъ Ф*, пришедшій въ хорошее настроеніе духа, въ виду лакомага ужина. Эй!... что-же чай!

— Подаю—съ! отвѣчалъ изъ-за огромнаго костра знакомый голосъ нашего привіантмейстера, а въ ту же минуту его огромная косматая голова, съ раскраснѣвшеюся физиономіею, показалась передъ палаткой. Онъ несъ въ рукахъ источникъ и орудіе самаго дорогаго изъ походныхъ удовольствій—самоваръ.

Мы воротились къ палаткѣ и усѣлись на разостланномъ коврѣ. Солнце тѣмъ временемъ склонилось къ западу; на востокъ блеснуло нѣсколько звѣздъ, съ горъ потянуло прохладою. Чай, въ такую пору дня, особенно послѣ хорошаго мѣсяца, пьется хорошо и въ количествѣ неограниченномъ; но желаніе узнать посморѣ диковинный способъ ловли рыбы въ горныхъ рѣчкахъ заставило меня измѣнить привычкамъ. Шепнувъ Н—ву, я поднялся и пошелъ по линіи островъ, разложенныхъ вдоль рѣки. Черезъ минуту Н—въ догналъ меня.

— Ну, отгадай ли, какимъ образомъ на Кавказѣ солдаты рыбу-то ловятъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не догадываюсь; думаю только, что не руками.

— Ни руками, ни удочкой, ни сѣтью.... Чѣмъ же, какъ ты думаешь?

Мнѣ положительно въ голову не приходила иной способъ, кромѣ перечисленныхъ.

— Багромъ, можетъ быть, сказалъ я.

— Нѣтъ, попросту солдатскими штанами, отвѣтилъ онъ, смѣясь. — А вотъ и рыбаки на лицо, прибавилъ онъ, указывая на темныя головы солдатъ, видныя изъ-за береговаго обрыва. Мы спустились къ самой водѣ и очутились на одномъ изъ самыхъ узкихъ мѣстъ Мезмая, раздѣленномъ посреднѣй плоскииъ утесомъ, шириною въ нѣсколько аршинъ, на которомъ пошѣстились два солдата. По обоимъ берегамъ, человекъ восемь отечественныхъ санкиготовъ держали противъ воды на жердяхъ исподнее платье, до половины погруживъ его въ воду. Сидѣвшіе на островѣ, выше по теченію, запаслись мелкими камнями, и отъ времени до времени пошвыривали ихъ въ воду. Всѣ они такъ были заняты своимъ дѣломъ, что и не замѣтили нашего прихода.

— Оадѣвъ! кричалъ на нашемъ берегу одинъ изъ нихъ: тащи! — давно глядѣлъ.

— Чаво тащить — погожу....

Въ это время самъ говорившій потянулъ свой импровизованный сачекъ и вывернулъ его между камнями на берегу. Изъ него выпрыгнуло нѣсколько форелей, тотчасъ же очутившихся въ рукахъ проворнаго рыбака. Я нагнулся, чтобы взглянуть поближе на оригинальный рыболовный снарядъ. Солдатъ замѣтилъ меня и Н—ва и пришелъ въ смущеніе.

— Виновать, ваше высокоблагородіе! пробормоталъ онъ, отбѣгая нѣсколько шаговъ и присѣдая за кучею камней.

— Ничего, братцы! Забавляйся! отвѣчалъ я, смѣясь надъ лѣтнимъ его костюмомъ—я вамъ не помѣха....

— Только штановъ казенныхъ не топить, вставилъ Н—въ.

— Слушаемъ, ваше благородіе! отозвался на обоихъ берегахъ.

Я успѣлъ тѣмъ временемъ взглянуть на рыболовную снасть. Это были форменные суконные шаровары, въ концахъ перевязанные бичевками, а въ широкой части своей прирѣпленные къ жерди. Внутри, вмѣсто груза, положено было нѣсколько камней.

Форель держится обыкновенно на быстринѣ и любитъ плыть противъ теченія. Только испугавшись чего-нибудь, она необыкновенно быстро мелькаетъ внизъ по теченію и, найдя болѣе покойное мѣсто, снова поворачивается головою къ теченію. Встревоженная бросаемыми камнями, она, бросаясь внизъ, встрѣчала цѣлую цѣпь мѣшковъ къ концу сѣуженныхъ, такъ что повернуться въ нихъ не всегда приходилось въ мѣру, и дѣлалась добычею искусниковъ.

Возвратясь, мы застали Ф* за разговоромъ какого-то замѣчательнаго дѣла, бывшаго еще при генералѣ Вельяминовѣ, въ которомъ

самъ разсказчикъ принималъ участіе. Г—ій слушалъ его съ напряженнымъ вниманіемъ. Мнѣ хотѣлось подѣлиться съ докторомъ вновь приобретенными познаніями въ рыболовномъ искусствѣ, и дать свѣжій матеріалъ для его записокъ; но Н—въ предупредилъ меня, чтобы я остерегся разсказывать при Ф* е рискѣ, какому приѣтомъ подвергалось казенное имущество, и я удержался, боясь навлечь взысканіе на охотниковъ до вкусной ухи. Пользуясь продолжающеюся бесѣдою, я ушелъ въ свою палатку распрашивать проводниковъ о завтрашнемъ пути.

Я узналъ отъ нихъ, что въ долинѣ рѣки Цеце (впадающей въ Пшеху, недалеко отъ станицы Самурской) есть еще удобное урочище, и что къ нему выходятъ горская тропа, ведущая въ долину Тубе (въ верховьяхъ рѣки Пшехи), отличающуюся отличными угодами и здоровымъ климатомъ. Последнее какъ-то странно противорѣчиво распоряженію войсковаго начальства, по которому Тубинская станца, за нездоровость климата, была оставлена, и жители ея расселены по другимъ, болѣе здоровымъ мѣстностямъ.

Отпустивъ горцевъ, я пошелъ къ Ф* и засталъ его сидящимъ въ складныхъ креслахъ въ сладкой дремотѣ. Около него Г—ій заносилъ что-то въ свою неизбежную тетрадку. Я хотѣлъ—было удалиться, какъ докторъ поймалъ меня за руку, и шопотомъ спросилъ, какъ называется урочище, на которомъ мы бивуакируемъ.

— Право не знаю, Егоръ Петровичъ, отвѣтилъ я; погодите, спросу у проводниковъ. Да и на что оно вамъ понадобилось? Довольно будетъ, если вы запишите, что стояли, молъ, въ верховьяхъ Мезмая. Разговоръ нашъ разбудилъ Ф*.

— Ахъ это вы! сказавъ онъ. Ну, что разсказываютъ азіаты? Хороша дорога на завтра?

— Хороша, полковникъ. А вотъ сегодняшняя, кажется, васъ крѣпко утомила, и потому не пожелать—ли вамъ доброй ночи?...

— Нѣтъ, это я такъ немножко... Вотъ поужинаемъ и тогда на боковую.... Чириковъ!....

Чириковъ выросъ какъ изъ-подъ земли.

— Ужинъ готовъ?

— Готовъ, ваше высокоблагородіе, отпрапортовалъ Чириковъ: прикажете подавать?

— Подавай, братецъ.

Подали ужинъ и мы отдали должную честь превосходной ухѣ, плоду кулинарнаго искусства Чирикова. Сонливость Афанасія Афанасьевича совершенно исчезла, и нельзя было не позавидовать его замѣча-

тельному желудку. Чириковъ оказался настоящимъ негодомъ, истиннѣйшимъ волшебникомъ, устроивъ, въ какой-нибудь часъ времени, великолѣпный ужинъ, послѣ котораго я отговорился необходимостью внести въ походный журналъ сдѣланный переходъ, и отправился спать, оставивъ И—ва и Г—го дослушивать начатый расказъ Афанасія Афанасьевича о походѣ наместника князя Веренцова къ Дарго и о причинахъ неудачи сахарной экспедиціи.

Холодъ и сырость, проникшія въ палатку, разбудили меня. Я выглянулъ изъ нея, чтобы узнать о погодѣ. Шелъ проливной дождь и небо кругомъ заволочено тучами. И—въ и Г—ій продолжали спать. Костры нашего бивуака, накануне столь яркіе, едва дымились; солдатъ около нихъ почти не было; за то, по сосѣдству съ кострами, выросло около дюжины шалашиковъ изъ древесныхъ вѣтвей, изъ подъ которыхъ торчали ноги въ походныхъ сапогахъ и полы солдатскихъ шинелей. Чириковъ былъ уже на ногахъ и суетился около нашей походной кухни, помѣщавшейся подъ навѣсомъ, устроеннымъ изъ войлочной полости, распряженной на двухъ кольяхъ.

Видя, что моимъ палаточнымъ сожителямъ сладко спится подѣ шумъ дождя, я принялся отъ скуки пересматривать свои походныя записки. Приходъ Пахомова прервалъ мое занятіе.

— Ваше благородіе: прикажете будить ихъ? обратился ко мнѣ линейецъ, — не гоже такъ спать.

— Отчего?

— Полковникъ встанши уже. Чириковъ сказывалъ, что цырюльника позвали; неравно потребуютъ кого, анъ они въ постели.

Совѣтъ казака моего былъ основателенъ, и я, отправивъ его узнать могу-ли видѣться съ Ф*, у котораго хотѣлъ освѣдомиться о времени нашего выступленія, принялся будить пріятелей.

— Пожалуйте-сь, сказалъ вернувшійся Пахомовъ.

Я отправился къ Ф*.

— А вотъ и вы! Ну что скажете? Садитесь, пожалуйста, встрѣтилъ онъ меня.

— Я пришелъ узнать, полковникъ, выступимъ-ли мы сегодня, или у насъ будетъ дневка?

— А что? Вы какъ желали-бы?

— Мнѣ хотѣлось бы выступить. Дорога, говорятъ, хорошая, и мы, помаленьку, все-таки доберемся къ вечеру на Цеце.

— А что-жь, можно, отвѣтилъ Афанасій Афанасьевичъ тономъ, ясно выразившимъ полнѣйшую неохоту разставаться съ удобствами палатки и отдавать свое грѣбное тѣло на произволъ стихій. — Толь-

ко знаете: вчерашній переходъ ужасно утомилъ людей и лошадей. Я боялся, чтобы не было чего: дорогу—то теперь подгрязнило. Впрочемъ, я уже приказалъ вычистить, и, если хотите, сейчасъ двинемся. При этомъ лицо его выразило такую скорбь и страданіе, что и сказать трудно.

Я зналъ, что никакія распоряженія о походѣ ни вчера, ни сегодня имъ не было сдѣлано; иначе Н—въ, встававшій всегда очень рано, не позволилъ—бы себѣ заснуть, и меня забавляла привычка Ф* хитрить даже и тогда, когда въ томъ не было ни малѣйшей надобности.

— Такъ я пойду тоже приготовляться, отвѣчалъ я, притворяясь что вѣрю ему, и направился къ выходу.

— Постойте, капитанъ.... Буда же вы?.... Еще дождете.... Выпейте—на, лучше, чаю... Чириновъ, что же ты не подалъ чаю капитану? обратился онъ къ юркнувшему въ то же время въ палатку денщику.

— Я попробовалъ—было отказаться, но Афанасій Афанасьевичъ уже держалъ меня за руку и безперемонно усадилъ на табуретъ.

— У! да какой же вы служака ретивый!.... проговорилъ онъ заигрывающимъ тономъ. И куда спѣшить? Посмотрите—какая погода? Знаете, что я вамъ скажу: не лучше—ли вамъ послать одного проводника впередъ, осмотрѣть дорогу и выбрать заранѣе бивуажъ, а съ другимъ мы бы переждали дождь и выступили? Тѣмъ временемъ и люди немножко бы отдохнули.... а? Вѣдь вотъ мы съ вами верхомъ вчера прѣѣхали, а бѣдный солдатикъ всѣ эти тридцать пять верстъ ногами вымѣрялъ. Каково—то ему бѣднѣе? А вѣдь и они люди: надобно и ихъ пожалѣть.

Было ясно къ чему клонилась рѣчь Ф*. Съ другой стороны, опасность сдѣлаться вновь слушателемъ праядисренныхъ разсужденій о томъ, что солдаты суть наша младшая братія, становилась серьезной. Я рѣшился предупредить бѣду и высказаться въ пользу дневки на берегу Мезмаля, съ тѣмъ однако, чтобы на слѣдующій день, какова бы ни была погода, заочевать на рѣкѣ Цеце.

— О! вотъ и отлично! радостно промолвилъ Ф*. Вы, я вижу, понимаете, что солдаты тоже люди, и что на ихъ желѣза—же они сдѣланы. Русскій солдатъ, я вамъ скажу, это агнецъ: все вынесетъ терпѣливо; умереть, а сдѣлаетъ какъ прикажутъ.... поэтому—то имъ и больно....

Въ это время вошелъ Н—въ, въ шапкѣ, отрапортовалъ, что все обстоятъ благополучно, и спрашивалъ приказаній.

— Э!... какихъ вамъ приказаній отъ меня? Вотъ нашъ главнокомандующій! полусути отвѣчалъ ему Ф*, уважая на меня.— Сегодня капитанъ даетъ намъ дневку, и потому распорядитесь, чтобы лошадей выпустить на траву; больше ничего.

— Стрѣлки, полковникъ, на охоту просятся—по сосѣдству много кабаньихъ и медвѣжьихъ слѣдовъ нашли. Примажете отпустить?

— Отпустите. Только скажите имъ быть осторожными, чтобы, Боже храни, несчастія какого не было. Вы мнѣ за нихъ отвѣчаете....

Упустить такой отличный случай поохотиться было свыше силъ моихъ. Я объявилъ Ф*, что иду съ его стрѣлками, и послѣшилъ въ свою палатку заняться необходимыми приготовленіями.

Черезъ четверть часа я вышелъ къ собравшимся уже у палатки нашей охотникамъ, и мы, разсыпавшись рѣдкой цѣпью поперекъ сялона лѣваго берега мезмайской долины и прикрывшись, чѣмъ кто могъ, отъ дождя, тронулись на охоту.

Цѣлый день прошатались мы по лѣсу и горамъ, не добывъ ничего. Кто-то изъ стрѣлковъ выпустилъ два заряда въ какого-то звѣря. но, видно, промахнулся. Собакъ съ нами не было, и потому мы хоть и находили множество новыхъ и кабаньихъ слѣдовъ, но отличить старый отъ свѣжаго въ намочшемъ отъ дождя грунтѣ не могли, и это-то, вѣроятно, и было главною причиною нашей неудачи. Часамъ къ пяти вечера мы возвращались уже домой. Я чувствовалъ сильную усталость и едва передвигалъ ноги; за то постоянный сосѣдъ мой въ охотничьей цѣпи, небольшого роста, коренастый унтеръ-офицеръ Федотовъ, шагаль по оврагамъ и кручамъ, какъ по ровному, все одной и той же длинной, размашистой походкой, не обнаруживая ни малѣйшей усталости, и удивлялъ меня своей силой и неутомимостью. Впослѣдствіи я узналъ, что это былъ одинъ изъ лучшихъ ходяковъ баталіона, заслужившаго, еще при предѣстникѣ Ф*, полковникѣ К*, весьма почетную репутацію между кавказскими войсками. Для Федотова пройти въ день 60 верстъ по самымъ плохимъ кавказскимъ дорогамъ, и даже вовсе безъ дорогъ, не составляло никакого труда; доводилось ему проходить въ сутки и 70 верстъ. Такихъ ходяковъ, или, какъ ихъ называли солдаты, «шатуновъ», въ баталіонѣ оставались только два; прочіе вышли въ отставку. При К—иъ они назывались курьерами и, будучи въ то же время отличными пластунами, неразъ пробирались въ одиночку, съ конвертомъ за пазухой и съ нѣсколькими сухарями въ карманѣ, изъ одной колонны въ другую, черезъ мѣстности занятыя непріателемъ.

Измученный и промокшій до костей, добрался я, наконецъ, домой,

недовольный охотой. Дождь тѣмъ временемъ пересталъ и небо очистилось. Мы велѣли очистить мѣсто у костра и размѣстились у него на разостланной бурѣ. Солдаты тоже повиновались изъ шалащей и сушили у огня намоченные свои дослѣхи. Солнце садилось чисто и обѣщало на утро хорошую погоду, чему я былъ особенно радъ, испытавъ на собственной кожѣ непріятность хожденія въ намоченномъ платьѣ по грядамъ черезъ дебри и выси кавказскія. Ф* чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ, и потому не выходилъ изъ палатки. Вечеръ прошелъ у насъ въ болтовнѣ и въ разсказахъ Н—ва изъ прежней кавказской боевой жизни, которые Г—ий не преминулъ записать.

Утромъ меня разбудили шумъ и возня около нашей палатки. Открывъ глаза, я увидѣлъ возлѣ своей походной постели Цахимова, съ принадлежностями умыванія въ рукахъ.

— Ваше высокоблагородіе, вставайте! Ваше высокоблагородіе, а ваше высокоблагородіе!... жалобно тянулъ онъ унисономъ: пора, вотъ уже всѣ готовы....

Я вскочилъ на ноги и выглянулъ изъ палатки. День былъ отличный. Команда наша, точно, готова была къ выступленію. Лошади стояли уже осѣдланныя; около палатки Ф* суетились люди; самъ онъ помѣщался въ креслахъ, у догоравшаго костра.

Скоро ударили подъѣмъ, и мы потянулись къ мезмайскимъ мостамъ. Дорогой Гуашевъ разсказалъ, что часть пространства между Бурджипсомъ и его правымъ притокомъ Хокодземъ, нѣсколько въ сторонѣ отъ нашего пути, состоитъ изъ волнистаго плоскогорья, весьма обширнаго, носящаго названіе Гуама и Гунаке, удобнаго для сѣнокосовъ и пастбищъ, но бѣднаго водою, и потому пригоднаго только для небольшого поселенія. Я приказалъ вести насъ туда, и мы, перейдя на другой берегъ рѣки, двинулись сначала внизъ по ея теченію, почти до впаденія Мазая въ Бурджипсъ, потомъ взяли круто направо и поднялись по довольно хорошей вьючной дорогѣ, продолженной горами, на невысокую горную цѣпь, которой верхняя грань, постепенно расширяющаяся къ востоку, обращалась исподоволь къ окоймленной пролѣсками плоскость.

Мы употребили на переходъ къ Гуама около двухъ часовъ и, сдѣлавъ командѣ привалъ, отправились вчетверомъ, сопровождаемые проводниками, на осмотръ этого урочища.

Пустивъ лошадей рысью и отправивъ проводниковъ съ Н—вымъ въ стороны помсать воды, мы съ Ф* и докторомъ, минутъ въ двадцать, объѣхали окраины Гуама и возвращались уже шагкомъ къ нашей командѣ, какъ замѣтили, что изъ ущелій, находившихся подѣ

нами, началъ подыматься густой туманъ. Мы пустили коней шибче, но туманъ густѣлъ ежеминутно. Пустивъ лошадей галопомъ, мы не успѣли проскакать и четверти версты, какъ туманъ сирылъ отъ насъ окрестности. Я успѣлъ только замѣтить направленіе, по которому мы ѣхали, прежде чѣмъ послѣдній кустъ исчезъ изъ нашихъ глазъ. Посоветовавъ Ф* и доктору не отставать, я пустилъ коня въ карьеръ, рассчитывая прискакать къ большой осинѣ, мимо которой мы проѣзжали послѣ того, какъ разстались съ командой. Минуть пять неслись мы во всю прыть, но осины не увидѣли; только вправо отъ насъ мелькнула въ туманѣ какая-то тѣнь. Я осадилъ коня и крикнулъ. Выстрѣлъ и затѣмъ учащенный конскій топотъ отозвались на мой голосъ. Это Н—въ съ проводниками, догадавшійся, при первомъ признакѣ тумана, объ опасности заблудиться, которой мы подвергались, слѣшилъ намъ на встрѣчу. Я выстрѣлилъ въ отвѣтъ изъ револьвера, чтобы указать имъ наше мѣсто, и черезъ минуту они къ намъ присоединились.

До команды оставалось еще версты двѣ; но проводники, несмотря на туманъ, привели насъ къ ней сразу.

Мы застали людей нашихъ у огня, который они успѣли уже развести. Ни Н—въ, ни проводники не отыскали ни воды, ни слѣдовъ жилища, кромѣ загонновъ съ навѣсами для овецъ, и потому я не могъ признать эту поляну годной для поселка.

Туманъ сталъ какъ будто рѣдѣть, и мы двинулись дальше, чтобы, пройдя горною плоскостью еще версты четыре на сѣверъ, взять влѣво и перейти Курджипсъ версты три или четыре выше станицы Нижегородской. Такое направленіе было, если не по протяженію, то по времени, кратчайшимъ, потому что Курджипсъ, версть шесть выше и версты двѣ-три ниже Нижегородской, течетъ въ крутыхъ берегахъ, глубоко и неудобенъ для перехода въ бродъ.

Мы подошли къ этой рѣкѣ часа черезъ три, затрудненные въ пути крутымъ подъемомъ и спускомъ черезъ сдинъ изъ отроговъ Гуама, по чрезвычайно плохой тропкѣ. Но за то туманъ къ тому времени совсѣмъ разсѣялся и погода прояснилась, а съ тѣмъ вѣстѣ вернулось и хорошее расположеніе духа Ф*, нарушенное вначалѣ туманомъ и непривычной для него скачкой.

Подъ-вечеръ мы расположились бивуакомъ на лѣвомъ берегу рѣки Цеце (впадающей въ Пшеху), версть двѣнадцать выше станицы Самурской, на слегка всхолмленной черноземной равнинѣ, опушенной кустами ольшанника и группами осинъ и липъ.

Выше по теченію рѣки начинались крутые, горные отроги, хотя

и невысокіе, но изрѣзанные рѣчками и ручьями, покрытые сплошнымъ лѣсомъ, и потому мало удобные для устройства поселка. Чтобы не выбрать мѣста для роты на казачьей землѣ, мнѣ надобно было съѣздить въ станицу Самурскую и, взявъ оттуда депутатовъ, осмотрѣть съ ними границы станичнаго юрта; но было уже далеко за полдень и до вечера оставалось мало времени. Пришлось назначить на слѣдующій день дневку на берегу Цеце, въ великому удовольствію Ф*, и посвятить вечеръ распросамъ проводниковъ.

Долина рѣки Цеце считалась горцами одной изъ самыхъ богатыхъ по плодородію своему, и отличалась въ былыя времена густотою горскаго населенія и его воинственности. Невдалекѣ, говорили проводники, въ горной котловинѣ, которую обѣщали намъ показать, при движеніи въ Тубинскую долину, жили двое инглизовъ (*) и двое урусовъ (**), и занимались выплавкой серебра изъ руды, добывавшейся неподалеку же, для чего и былъ выстроенъ ими небольшой плавильный заводъ. Помимо любопытства, возбужденнаго въ насъ этимъ рассказомъ, мнѣ хотѣлось внимательно осмотрѣть долину Цеце и ея притоковъ, какъ потому, что ею и далѣе, ущельями ея верховыхъ притоковъ, шла тропа, черезъ Тубу, къ Хагучинскому перевалу, на южный склонъ, требовавшая вооруженнаго надзора, слѣдовательно и военнаго поселка, такъ и потому, что рассказы проводниковъ о достаткѣ прежнихъ обитателей этой мѣстности, рядомъ съ постоянными жалобами жителей станицъ Самурской, Нижегородской и другихъ на нездоровость климата и плохую почву, невольно заставляли думать, что есть еще нынѣ причины, независимыя ни отъ плодородія грунта, ни отъ климата, мѣшающія процвѣтанію нашихъ поселеній. Внимательное изслѣдованіе этихъ причинъ было, по моему мнѣнію, необходимо для того, чтобы, при размѣщеніи ротныхъ дворовъ и поселковъ, избѣгнуть повторенія тѣхъ ошибокъ, которыя повлекли за собою общую бѣдность, болѣзненность и смертность въ нашихъ новыхъ станицахъ горной полосы Кубанской Области.

На другой, день часовъ въ одиннадцать утра, я поѣхалъ, въ сопровожденіи Н—ва, Гуашева и Пахомова, въ станицу. Н—въ былъ знакомъ со станичнымъ начальникомъ А—мовымъ, и я хотѣлъ воспользоваться случаемъ черезъ него познакомиться и получить необходимыя свѣдѣнія о границахъ станичной земли и о бытѣ жителей. Мы застали А—ва среди многочисленнаго семейства, состоявшаго изъ однѣхъ дочерей. Онъ принялъ насъ со стариковскою

(*) Англичагъ.

(**) Русскихъ.

простою и радушемъ и тотчасъ представилъ всей семьѣ, причемъ одной изъ своихъ дочерей, приютившейся въ уголокъ за работою, протелеграфировалъ жестами, употребляемыми въ разговорахъ съ глухонемыми. Я взглянулъ на нее и былъ пораженъ удивленіемъ: передо мной была семнадцатилѣтняя красавица, въ полномъ смыслѣ слова. Физіономія ея была выразительна; черты лица правильныя; въ голубыхъ глазахъ свѣтился умъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они смотрѣли такъ грустно-покорно, что трудно было выдержать ихъ пристальный взглядъ, и я поспѣшилъ обратиться къ А—ву за необходимыми свѣдѣніями, чтобы освободиться отъ невольнаго тяжелаго чувства, овладѣвшаго мною при видѣ его дочери.

На вопросы мои о бытѣ жителей и о ихъ занятіяхъ, А—въ съ досадою отвѣтилъ, что жители ничѣмъ не занимаются и не занимались со дня своего водворенія, кромѣ пьянства, да иногда конокрадства и тому подобныхъ непохвальныхъ художествъ; что, благодаря даровому провіанту, отпускаемому на нихъ начальствомъ (*), никто ничего не дѣлаетъ; что, по всей вѣроятности, даже и избѣ—то они не выстроили бы, еслибы ихъ къ тому не принуждали; что народъ все здѣсь поселенъ больше негодный, высланный изъ различныхъ войскъ, подъ именемъ охотниковъ, а въ самомъ дѣлѣ по приговорамъ станичныхъ обществъ прежняго ихъ мѣста жительства (**). Относительно климата, по его мнѣнію, на сѣверномъ Кавказѣ было очень мало мѣстъ нелихорадочныхъ, и станция Самурская не составляла исключенія; но и эту бѣду онъ относилъ къ нерадѣнію казановъ, приводя въ примѣръ нѣсколько семей, занявшихся съ охотою, а не по приказанію начальства, устройствомъ хорошихъ избъ, занимающихся земледѣіемъ, живущихъ въ довольствѣ и очень рѣдко болящихъ.

Мнѣ не хотѣлось вполне вѣрить такому безотрадному положенію

(*) Это распространено было на всѣ новыя станицы нагорной полосы въ теченіе трехъ лѣтъ, стоило казавъ большихъ издержекъ и привело къ самымъ печальнымъ результатамъ, особенно на южномъ склонѣ, въ районѣ шапсугскаго береговаго баталіона.

(**) Устройство новыхъ линій казачьихъ станицъ въ послѣднюю эпоху кавказской войны производилось вызовомъ охотниковъ не только изъ кавказскихъ казачьихъ войскъ, но изъ всѣхъ почти войскъ Европейской Россіи, такъ что въ составъ населенія вошли черноморцы, линейцы, донцы, оренбургцы; кромѣ того, были приглашены изъ Николаева, Херсона и Одессы мѣщане, отставные матросы и вообще, какъ сказано было въ вызовѣ: „люди не имѣющіе обезпеченныхъ средствъ къ существованію“. Нетрудно себѣ представить, какой сбродъ составилъ изъ всей этой смѣси, и въ какой степени они могли принести пользу и обезопасить край, гдѣ самая природа предлагаетъ много искушеній пуститься на разбой и другіе вольныя промыслы, доставляя на каждомъ шагѣ возможность укравательства.

дѣла, и и выразилъ сомнѣніе, будто нельзя было приохотить жителей къ труду.

— Пока не уничтожите найма, никто работать не будетъ, отвѣчалъ А—въ.—Вы, вѣдь, не можете себѣ представить, что это за народъ! Ну, повѣрите ли вы, до какихъ размѣровъ доходить здѣсь пьянство: пропиваютъ сначала всѣ деньги, потомъ скотину, затѣмъ строевую лошадь, наконецъ избу, и если уже ничего не осталось—идутъ въ батраки, забравъ и пропивъ впередъ все, что можно. Здѣсь, вотъ неподалеку, будете ѣхать, такъ увидите, стоитъ заведенная изба, рубленая; пропита въ кабаѣ за пять рублей серебромъ.... А, каково?...

— Ну, а тѣ кто работаетъ, довольны?

— Были бы довольны, да общество заѣдаетъ. У тѣхъ все есть: и хлѣбъ, и скоть, и пчелы: пасѣли шней по полутора и болѣе.... Вѣрите ли, такая здѣсь земля—то: конопля въ четыре съ половиною аршина вышиною вырастаетъ. А пчелы!... Однѣхъ динякъ столько, что только лопи, да сажай въ улья. Вотъ двое казаковъ попорядочнѣе и занялись этимъ дѣломъ: такъ одинъ на 100, а другой на 40 рублей въ ту же осень диняго меду продали (*). Да много ли такихъ хозяевъ? по пальцамъ пересчитать можно, и то, смотришь, сегодня одинъ жалуется—скотину украли, завтра другой—ниву вытоптали, тамъ третій — медъ на пасѣиѣ повыкрали, и все своя же братья.

— Да развѣ нельзя отыскать виновныхъ и наказать? Вѣдь это чистый разбой!...

— Отыскиваемъ и наказываемъ, да только отыскивать—то виновнаго труднѣе, чѣмъ булавку въ возѣ сѣна найти. Всѣ виноваты, а всѣ—значить никто. Вотъ слухъ прошелъ, что переселять отсюда: когда бъ Богъ далъ поскорѣе, а то кончится трехлѣтняя льгота, такъ того и гляди—разбредутся въ горы, да и начнутъ разбойничать не хуже прежнихъ абадзеховъ.

— Что же, по вашему, слѣдуетъ дѣлать?

— Да ужъ теперь только одно и остается, что переселить ихъ отсюда; работать вы ихъ не приучите, особливо когда три года имъ позволяли жить на даровомъ пайдѣ.

— Скажите, полковникъ, слышали вы что—нибудь о серебряной

(*) Это, какъ я послѣ имѣлъ случай убедиться, была совершенная правда; имена этихъ пчеловодовъ: Суховъ и Алжковъ. Что касается до конопля, то она была на первой сельско-хозяйственной выставкѣ въ Екатеринодарѣ и, сколько помнится, удостоена медалей.

рудѣ здѣсь въ окрестности, спросилъ я, желая переимѣнить тему разговора, раздражавшаго, повидимому, почтеннаго старика.

— Это туда, по дорогѣ въ Тубу? Слыхалъ, батюшка, есть, точно, руда, или, вѣрнѣе, была, да сплыла; остался частоколь на мѣстѣ прежняго завода, гдѣ Лапинскій (*) и выплавлялъ.

— Такъ это онъ и заводъ выстроилъ?

— Говорять. Впрочемъ, у этихъ азіатовъ не разберешь: одни говорятъ инглизъ, другой — урусъ, а третій — инглизъ—урусъ, или франкъ. Вотъ тутъ и догадывайся!...

— Извѣстно вамъ мѣсторожденіе руды?

— Гдѣ намъ, батюшка! Слыхалъ, что гдѣ-то около горы Фиштъ, либо около Тубы; доносилъ тоже по начальству, думалъ, что пошлютъ инженера на развѣдку—ничуть. Подождалъ съ полгода, поѣхалъ потомъ въ полкъ, справился въ полковомъ правленіи: приказано оставить мой рапортъ безъ послѣдствій. Такъ это дѣло и кануло. Не будете ли вы счастливыѣ, не отыщете ли?

Мнѣ надобно было, какъ я уже сказалъ, осмотрѣть южную межу станичной земли, въ долинѣ рѣки Цеце, чтобы рѣшить, можно ли ставить ротный поселокъ на мѣстѣ нашего бивуака. Я обратился къ А—ву съ просьбой дать мнѣ двухъ, трехъ стариковъ, изъ надежнѣйшихъ, которые могли бы мнѣ ее указать на мѣстѣ.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ онъ: — только межи никакой у насъ нѣтъ, потому что и юртъ—то еще не отмежеванъ, да и старики не знаютъ, гдѣ кончается юртъ, потому что сами хозяйствомъ не занимаются, кромѣ сѣнокосенія. Покажутъ развѣ только до концъ мѣстѣ они землю свою считаютъ, а точно—ли она ихняя, или казенная—про то никто вамъ не дастъ толку, даже и я самъ (**).

(*) Польскій авантюристъ, мечтавшій сплотить разноплеменное кавказское население праваго фланга въ одинъ общій союзъ, съ цѣлью борьбы противъ русскихъ. Онъ оставилъ сочиненіе о Кавказѣ: „Die Bergvölker des Kaukasus“, замѣчательное чрезвычайно вѣрнымъ и подробнымъ описаніемъ племенъ западнаго Кавказа и ихъ оригинальныхъ племенныхъ, родовыхъ и вассальныхъ отношеній.

(**) Какъ ни странно покажутся эти слова всякому читателю, но, къ сожалѣнію, приходится сознаться, что въ ту пору земельный раздѣлъ и пользованіе землею въ предѣлахъ юртовъ, или станичныхъ земель, былъ не конченъ не только въ новыхъ, но и въ старыхъ станицахъ, и изъ этого положенія дѣлъ возникали такіе неудобства, о которыхъ въ Россіи и понятія не имѣютъ. Особенно тяжело было казачьимъ офицерамъ, которые, выйдя изъ той же станичной среды и становясь на службѣ начальниками своихъ односельцевъ, въ льготное время терпѣли всякаго рода неурядицы, подчасъ совершенно произвольное утѣненіе міра, т. е. сходки; такъ какъ ежегодное пользованіе запашкой, выгономъ, покосомъ и другими угодьями рѣшалось толпою, въ которой голосъ замѣтныхъ стариковъ, подкрѣпленный ведромъ воды, всегда бралъ перевѣсъ надъ отдѣльными мѣзгами

Съ этими словами А—въ вышелъ послать за стариками.

— А я вамъ снажу, капитанъ, заговорилъ онъ, возвратясь въ комнату: — стариковъ вы возьмите, только словамъ ихъ вѣры не давайте, а ставьте роту вашу тамъ, гдѣ найдете нужнымъ, потому что это не старики—старожилы, а старые пьяницы; старожилы же тутъ нѣтъ, тамъ какъ и станица—то недавно построена.

— Такъ не лучше ли ихъ вовсе не брать, коли они бесполезны? спросилъ я.

— Нельзя—съ. Уже порядокъ такой повсюду заведенъ, чтобы на границы депутатовъ вызывать; такъ чтобы ропоту не было послѣ—берите. Встарину, говорятъ, въ Россіи дѣтой вызывали при размежеваніи и на межахъ сѣкли, чтобы крѣпче на памяти держалось; хорошо, какъ бы и вы ихъ маленько поприласкали, право не повредило бы: народъ стоящій—съ.

— Ну, ужъ этихъ пусть забавляется кто хочетъ, только не я: не моя специальность, отвѣчалъ я, коробясь отъ столь безцеремоннаго предложенія.

Не поправилась мнѣ неслестные отзывы станичнаго начальника о нравственности жителей и жесткость, отъ какою онъ высказывался. Въ сожалѣнію, если не все, то большая часть слышаннаго мною оказалось сущою правдою, и едва ли можно было бы не сдѣлаться раздражительнымъ, живя въ такой безпутной средѣ.

Минуть черезъ десять прибыли депутаты, оба украшенные сѣдыми бородами и безъ признаковъ хмѣля. Мы откланялись А—ву я, выѣхавъ за станицу, направились вверхъ по Цеце. Дорогою я спрашивалъ стариковъ объ ихъ бытѣ и нуждахъ. Они оказались одинъ донецъ, другой черноморецъ; житьемъ своимъ въ станицѣ оба были недовольны: жаловались и на неурожайность почвы, и на лихорадки. Въ концѣ концовъ, донецъ, какъ болѣе словоохотливый, высказался, что «все это еще не бѣда, и не горе, а подгоря, только бѣда самая въ томъ, что вода—то подорожала въ станицѣ». Отъ него же я узналъ, что есть въ станицѣ казакъ, который, какъ прибылъ въ Самурскую, «да накатился до пьяна, такъ цѣлый годъ безъ просыпу нянствовалъ; на послѣдяхъ отревѣлъ, хватился выпарывать изъ жилетки да изъ башмита тысячу рублей, что зашто было, ашъ двухъ—трехъ сотниковъ или хорунжихъ, проживающихъ въ станицѣ. Въ настоящее время опредѣленъ приблизительно надѣлъ земли изъ станичнаго юрта казачьямъ оендерамъ и ихъ семьямъ, чѣмъ затрудненія устранены хотя и не вполне, но на столько, однако, чтобы вывести ихъ изъ прежняго бѣдственнаго положенія.

изъ этихъ денегъ только лохмотья гнилые, что и въ кабагъ не берутъ».

— Что жь каважъ-то? спросилъ я.

— Известно что: затужилъ, заскучалъ, а потомъ туо же жиаету съ бешметомъ въ кабагъ оставилъ, да еще и избу повелькуу, что на него батраки его строили, въ пяти монетахъ (*) спустилъ.

— А теперь какъ же онъ безъ избу-то?

— Все больше въ батракахъ слоняется.

— Это, ваше благородіе, таперь, слышно, солдатъ на мѣсто насъ въ станицѣ селить будете, вновь обратился ко мнѣ доонецъ: — что землю нашу смотрѣть хотитѣ?

— Нѣтъ, братцы: солдаты само-собою, а вы само-собою. А взялъ я васъ, чтобы вы показали кѣонецъ станичной земли, чтобы не поставить солдатъ на ней, и чтобы послѣ споровъ не было.

— Это точно-съ.

За болтовнею мы проѣхали около десяти верстъ. Уже показались вдали дымки нашихъ огней. Долина постепенно суживалась.

— А далеко еще станичной землей ѣхать? спросилъ я.

— Ще далѣко, отвѣтилъ черноморець.

— А какъ?

— Кто іого знаикъ: ще не мѣрно (**).

Проѣхали еще версты полторы; до бивуака нашего оставалось всего нѣсколько сотъ сажень. Я снова повторилъ вопросъ о станичной землѣ.

— Ще відсыли версты чотырі, а може и бѣльшь, отвѣтилъ опять черноморець.

— Ты тамъ бывалъ?

— Ні.

— Почему же ты знаешь?

— Люде казали (***).

— Какіе люди?

— Наши.

Видя, что пріятель совсѣмъ не знаетъ мѣстности, я обратился къ донцу; но и тотъ съ перваго слова объявилъ, что онъ тутъ не хаживалъ, а что бабы въ лѣсъ ходили за грибами и сказывали, что «это все земля станичная.»

(*) На сѣверномъ Кавказѣ, въ иныхъ мѣстностяхъ, рубль называлтъ монетой. Эта ошибка забрела изъ Закавказья отъ татаръ и персіянъ.

(**) Кто его знаетъ какъ: тутъ еще не мѣрно.

(***) Люди говорили.

Оъ таинни молодцаи толку добраться было невозможно, и я счелъ за лучшее отправить ихъ домой, соглашался мысленно съ мнѣніемъ А—ва о пользѣ старинныхъ обрядовъ размещеніи для такого народа.

Мы застали бивуакъ нашъ въ послѣобѣденноиъ кейфѣ. Ф*, Г—и и часть команды спали. День былъ теплый, почти лѣтній, и на солнцѣ начинало припекать. Пообѣдавъ, мы отъ нечего—дѣлать послѣдовали примѣру Афанасія Афанасьевича и доктора.

Свѣжій вѣтерокъ, норвавшійся въ палатку, разбудилъ меня. Было уже темно. Я зажегъ спичку и взглянулъ на часы. Часы показывали семь. Поспѣшно вылѣзъ я изъ палатки и засталъ у костра, горѣвшаго передъ нею, все наше маленькое общество. Я присосѣдился къ компаніи и, выждавъ окончанія длиннаго разсказа Ф* о томъ, какъ слѣдуетъ рассыпать флагвоыя цѣпи, авангардъ и арьергардъ при движеніи въ узкихъ ущельяхъ, гдѣ власть залогя (секреты), репли и т. д., предложилъ призвать проводниковъ и подробно распросить ихъ о сереброплавильномъ заводѣ въ горахъ и о мѣсторожденіи руды.

Вотъ что сообщилъ нашъ Гуашевъ о послѣднемъ.

Еще въ концѣ пятидесятихъ годовъ, на правомъ флангѣ появилось нѣсколько англйзовъ, франковъ и бѣглыхъ русскихъ; былъ тоже и Лапинскій, жившій преимущественно на южномъ склонѣ, но пріѣзжавшій и на сѣверный. Собирали они неразъ совѣты и пріѣзжали къ Мегметъ—Аминю, просили, чтобъ не забывалъ воевать съ урусамн, обѣщали помощь френговъ и англйзовъ, много ружей и пушекъ, прося указать мѣста гдѣ желѣзо, мѣдь и серебро рождаются, чтобы выучить ихъ какъ лить пушки, дѣлать оружіе и деньги. Горцы много приносили Лапинскому земли, въ которой они думали видѣть руду, но онъ все находилъ нехорошею; наконецъ одинъ пастухъ принесъ ему съ горъ небольшой тяжелый камень, очень блестящій, которому тотъ обрадовался, и говорилъ, что это хорошее желѣзо. Затѣмъ Лапинскій и четыре его товарища, между которыми нашъ проводникъ лично зналъ бѣглаго русскаго солдата, хромага кузнеца, сходили пѣшкомъ на гору съ пастухомъ, а потомъ, на берегу ручья Тухъ или Тхухъ, впадающемъ въ рѣчку Годжоджъ (притокъ рѣки Пшехи), устроили фабрики, гдѣ плавили доставлявшуюся жителями руду, выдѣлывали подковы, укладывали ихъ въ ящики и отправляли на берегъ моря для ожидавшейся будто бы кавалеріи англйзовъ и френговъ. Фабрику свою они обнесли густымъ и высокимъ частоколомъ, и работали только вчетверокъ, а горцевъ не только туда не пускали, но не позволяли и выслушать

близко. Гуашевъ прибавилъ, что въ заводѣ тотъ выработывалось не желѣзо, а серебро, и что пастухъ тотъ, по знакомству, показалъ и ему мѣсторожденіе руды, къ которому бы онъ охотно насъ и провѣлъ, если бы не былъ увѣренъ, что по раннему времени года гора еще покрыта сплошнымъ снѣгомъ. По его словамъ, отъ завода до руды надобно было идти вверхъ по плохой дорогѣ болѣе полдня, а спуститься можно было часа въ четыре или въ пять. Заводъ лежалъ на самой дорогѣ, по которой намъ предстояло идти въ Тубу. Въ 1860 году работы на заводѣ прекратились, и мастера скрылись неизвѣстно куда (*).

1870 года 27-го февраля.
Г. Телелсъ.

Иванъ Орѣховъ.

(Продолженіе будетъ.)

(*) Я занесъ рассказъ проводника въ свой походный журналъ и передаю въ точности, какъ слышалъ. Мнѣ удалось, по возвращеніи изъ командировки, передать его, вмѣстѣ съ фамиліей проводника, горному инженеру, капитану Г., отправлявшемуся на развѣдку минеральныхъ богатствъ сѣвернаго склона Кубанской Области. Г. съ энергіей принялся за розыскъ, но, или Гуашевъ позабылъ настоящую дорогу къ мѣсту, гдѣ бралась руда, или умышленно утаилъ изъ какихъ-либо видовъ, только, всобравшись на довольно большую высоту, объявилъ, что за снѣгомъ, покрывавшимъ гору, онъ не берется указать яму, откуда брали руду, и казался очень сконуженнымъ. Поиски самого Г., по неимѣнію достаточныхъ рабочихъ средствъ, могли быть только самые поверхностные и оказались также безуспѣшными.